

АНАСТАСИЯ СУМЕРКИНА

Помощница
по ошибке

СЛР

Цикл «Вертикаль власти»

Анастасия Сумеркина
Помощница по ошибке

«Автор»

2026

Сумеркина А.

Помощница по ошибке / А. Сумеркина — «Автор», 2026

Она — серая мышь из опен-спейса на первом этаже, которая мечтает только об одном: чтобы её никто не замечал. Он — ледяной босс, который за полгода уволил сотню помощниц. Что будет, когда ледяной босс узнает, кто скрывается за дешёвыми очками его новой помощницы? Поможет или уничтожит? И сможет ли женщина, которая привыкла прятаться, довериться тому, кто видит её насквозь? Это история о том, как иногда жизнь даёт шанс в самый тёмный час. О сильной женщине, которая не сломалась. И о мужчине, который оказался достоин её силы.

© Сумеркина А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Серая мышь	5
Глава 2. Вчерашняя отличница	9
Глава 3. Долги отца	13
Глава 4. Точка кипения	17
Глава 5. Утро в холле	22
Глава 6. Лифт наверх	26
Глава 7. Перевод	30
Глава 8. Адский испытательный	33
Глава 9. Список невыполнимого	37
Глава 10. Тайные знания	44
Глава 11. Расследование	48
Глава 12. Кредит доверия	52
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Анастасия Сумеркина

Помощница по ошибке

Глава 1. Серая мышь

POV Agata

Утро в старой квартире пахло щами и старой жизнью, которой уже никто не жил, но которая всё никак не выветривалась из обоев. Этот запах въелся в стены за десятилетия — капуста, лавровый лист, дешёвое мыло и неустроенность. Он был таким же привычным, как скрип половиц под ногами соседей и вечное бормотание телевизора за стенкой.

Агата открыла глаза и несколько секунд просто смотрела в потолок с желтоватым разводом от протечки. В прошлом году тётя Рая пыталась договориться с соседями сверху о ремонте, но те только разводили руками — денег нет, и ладно, не течёт же. Не течёт, но пятно расплзлось, становясь похожим на карту неизвестной страны. Страны, в которой Агата теперь жила.

За тонкой стеной мерно гудел холодильник тёти Раи — старый, ещё советский, но работающий с упрямством хорошего работника. Где-то в за стеной хлопнула дверь — соседи начинали новый день. Агата знала их всех в лицо: семейную пару из тридцать четвёртой, вечно скандалившую; одинокого старика из тридцать седьмой, который разговаривал с котом громче, чем с людьми; студента из тридцать девятой, который играл на гитаре по ночам.

Её день начинался так же, как и вчера, и позавчера, и год назад: с мыслей о деньгах.

Она села на скрипучей кушетке — тётя Рая когда-то называла её «тахта», и это слово звучало почти роскошно, хотя пружины давно просели, а обивка протёрлась до дыр — и первым делом взяла телефон. Никаких «добрых утр» и пропущенных от друзей — их не было. Только одно непрочитанное сообщение от отца, отправленное в час ночи: «Доченька, пришли денег, я крайний день, сил нет».

Агата сжала губы, стараясь не чувствовать. Не чувствовать этой липкой боли, которая поселилась в груди шесть лет назад и с тех пор никуда не уходила. Иногда она затихала, приговаривая, что её нет, но стоило увидеть имя отца на экране, как боль просыпалась снова, сворачивалась клубком под сердцем.

Она набрала ответ коротко, почти бездумно — пальцы давно выучили эту комбинацию: «Пап, будет аванс на той неделе. Потерпи. Я люблю тебя». И убрала телефон в карман халата, зная, что он прочтёт, но вряд ли ответит. Разве что позвонит вечером пьяный, снова будет каяться или просить. Или просто молчать в трубку, тяжело дыша, пока она будет говорить ему, что всё наладится.

Взгляд упал на серебряную рамку с фотографией у зеркала. Единственная, которую она привезла из их прошлой жизни.

На фото — они с отцом. Ей здесь лет шестнадцать, она в красивом платье, с распущенными волосами и счастливой улыбкой. А отец Он в идеальном, дорогом костюме, подтянутый, с сединой на висках, но какой же статный. Сергей Вершинский, владелец двух модных ресторанов в центре, человек, который умел делать праздник из ничего. Тогда у них был дом, полный гостей, поездки за границу, её учёба в МГИМО на бюджете — как само собой разумеющееся. Мать ещё жила с ними, ещё делала вид, что любит. Ещё поправляла макияж перед каждым выходом из спальни и называла папу «мой гений».

А потом всё рухнуло.

Агата перевернула рамку фотографией вниз. Не потому, что не хотела видеть, а потому, что смотреть на это каждое утро было слишком больно.

Партнёр кинул, кредиты, разбирательства. Отец не выдержал удара. А мать Елена просто собрала чемоданы и ушла к другому обеспеченному мужчине, даже не оглянувшись на дочь. Сказала на прощание: «Ты взрослая, выживешь». Агате было тогда восемнадцать. Она только поступила в университет.

Агата выжила.

В дверь постучали — условный сигнал «вставай, засоня»: три коротких стука, пауза, ещё два.

— Агата, я блинов напекла! — донеслось из-за двери.

Тётя Рая. Единственный человек, который протянул руку, когда Агата сидела на лавочке возле университета и ревела в три ручья. Отец тогда неделю пил беспробудно, так как ему пришлось продать свою большую квартиру в центре и переехать на окраину в убитую однушку, соседи вызвали полицию, её выгнали из общаги за неуплату, идти было некуда. Денег не осталось даже на проезд. Агата уже ярко представила, как придется переселиться в однушку к постоянно пьющему отцу: "Там точно не закончить университет". А тётя Рая, библиотекариша из местной школы, которую Агата раньше видела только мельком в парке, просто подошла и сказала: «Пойдём, девонька. Комнату сдам за копейки, только не пропадай».

Агата тогда решила, что это сон. Или бред. Но это была реальность. Самая настоящая, грубая, пахнущая щами реальность, которая спасла её.

— Иду, тётъ Рай!

Она накинула старенький халат — ещё махровый, ещё с тех времён, когда мать покупала вещи в нормальных магазинах, — и вышла в коридор. Половицы скрипнули привычно, как старые друзья.

Небольшая кухня встретила её паром и запахом сдобы. Тётя Рая стояла у плиты в своём неизменном цветастом халате и переворачивала блины с ловкостью заправского повара. Седые кудряшки, которые она раз в три месяца завивала химией в местной парикмахерской, смешно подпрыгивали в такт движениям.

— На, подкрепляйся, — Рая ловко перевернула очередной блин на сковородке. — Опять этот звонил? Вон, глаза красные, не спала.

— Спала, — Агата улыбнулась и села за стол, покрытый старой клеёнкой в цветочек. — Просто утро раннее.

— Раннее, — фыркнула Рая, пододвигая к ней тарелку с горой блинов. — Работаешь как лошадь, циферки свои вбиваешь целыми днями, а денег всё нет. И когда уже зарплаты поднимут?

— Тётъ Рай, — мягко поправила Агата, намазывая блин маслом, — зарплаты и так нормальные. На жизнь хватает.

Врала, конечно. Едва хватало. Особенно теперь, когда отец снова начал просить. Агата уже год работала в структуре «Вертикали» — огромного холдинга, но в самой низшей точке. Отдел ввода данных для бухгалтерии, огромный опен-спейс в первом этаже, фикус на окне и полная незаметность. И это после красного диплома МГИМО, после пяти языков и мечты о международной карьере.

— Ты ешь, ешь, — Рая пододвинула к ней кружку с чаем. — Худая вон какая. Кожа да кости. Жених такой не возьмёт.

— Мне не до замужества, тётъ Рай, — Агата отпила чай. Крепкий, сладкий, как Рая любила.

— Глупая ты, — вздохнула та. — Женщина без мужа — что дерево без корней. Стоит, стоит, а ветер дунет — и упадёт.

— Я уже падала, — тихо сказала Агата. — Ничего, поднялась.

Рая замолчала, только покачала головой. Она знала историю Агаты. Знала про мать, которая сбежала, про отца, который спился, про долги. Знала и молчала, потому что словами тут не поможешь. Только блинами.

Мечты пришлось закопать, чтобы выжить. Агата закопала их глубоко, на самую глубину, и сверху придавила серыми буднями, работой, заботой об отце и его долгах. Иногда, правда, они пробивались наружу — во сне, или когда она случайно слышала иностранную речь в метро, или когда видела в новостях кадры международных саммитов, дипломатом на которых мечтала быть. Тогда внутри что-то сжималось, ныло, напоминало о себе. Но Агата научилась давить это чувство. Как научилась давить всё, что мешало выживать.

После завтрака — сборы. Ритуал, отточенный до автоматизма.

Агата встала перед мутным зеркалом в прихожей и начала привычное превращение.

Она сняла очки и посмотрела на себя. Серые глаза, тонкие черты, густые русые волосы. Красивая. Отец всегда говорил: «Ты у меня красавица, в меня». Она и верила. Но красивой быть опасно. Красивая привлекает внимание, задаёт вопросы, лезет в начальницы или любовницы. А ей нужно быть незаметной. Невидимой. Серой мышью, которую никто никогда не заметит, не тронет, не обидит.

Поэтому очки — на нос. Простые, в дешёвой оправе, чуть затемняющие взгляд. Волосы — в тугой пучок, ни одной выбившейся пряди. Косметики — ноль. Бледная, строгая, никакая. Одежда — серая водолазка, чёрные брюки, удобные туфли на низком каблуке. Всё дешёвое, безликое, с распродаж. Униформа незаметности.

Агата вздохнула, бросила в сумку остатки вчерашнего обеда, контейнер с блинами, которые Рая сунула насильно, и вышла.

Мегаполис встретил её серым небом и привычной суетой. Метро, пересадки, толпа. Она любила этот город раньше, чувствовала себя его частью. Теперь она просто винтик, который старается не высовываться. Часть механизма, не более.

В офисе было тихо, как в склепе. Отдел ввода данных располагался на первом этаже, куда не долетал начальственный гнев. Огромный опен-спейс с рядами одинаковых столов, одинаковыми мониторами и одинаковыми людьми, которые целыми днями переносили данные из одних таблиц в другие. Работа, не требующая квалификации, образования, мозгов. Идеальное убежище для тех, кто хочет спрятаться от жизни.

Агата прошла мимо фикуса — огромного, пыльного, который поливали по очереди, но он всё равно выживал, как и она, — села за свой стол и первым делом проверила ящик.

Диплом был на месте. Красная корочка МГИМО — блестящее будущее, которое не случилось. Она спрятала его в самый дальний ящик под кипу ненужных бумаг, чтобы никто не увидел и не спросил: «А чего ты тут сидишь, циферки вбиваешь, если ты такая умная?» Ответить было больно. Объяснять, что боишься, что устала, что не веришь в себя, — ещё больнее.

Работа закипела. Цифры, отчёты, накладные. Бесконечные таблицы, которые нужно было переносить из одной программы в другую. Монотонно, скучно, безопасно. Кто-то из коллег заваривал чай, кто-то жаловался на мужа. Жизнь текла размеренно, как и должно быть в опен-спейсе.

В середине дня Агата пошла за кофе в столовую, которая находилась в главном здании. Чтобы попасть туда, нужно было пройти через атриум — огромное светлое пространство под стеклянной крышей. Агата любила это место. Здесь пахло не капустой и дешёвым мылом, а дорогим парфюмом и успехом. Здесь можно было поднять голову и увидеть небо.

Она завернула в атриум и поднялась на смотровую площадку, возвышающуюся над холлом, замедлила шаг, подняла глаза к стеклянному куполу. Серое небо, капли дождя, стекающие по стеклу. Красиво.

А потом она посмотрела вниз.

В холле, у стойки ресепшена, творилось столпотворение. Человек тридцать девушек — молодых, красивых, холёных — толпились, сверкая улыбками и идеальными причёсками. Одни в строгих костюмах, другие в откровенно вызывающих нарядах, с макияжем, который видно за километр, и хищным блеском в глазах.

— О, опять кастинг, — раздался голос сзади. Агата обернулась — это была уборщица тётя Нина, которая мыла полы уже лет двадцать. — К самому учредителю помощницу ищут. Пятый набор за год, никого не берёт. Говорят, страшный зверь, ни одной крале поблажки не даёт.

Агата снова посмотрела на толпу внизу. Красивые, уверенные, готовые на всё. Они мечтали попасть в этот ад, построить карьеру, стать кем-то. Бедные, подумала Агата. Они не знают, в какой ад лезут.

Она слышала о Волине достаточно, чтобы понимать: этот человек не просто миллиардер, он машина. Холодная, безжалостная, перемалывающая людей в пыль. Его боятся все, от охраны до топ-менеджеров. Говорят, он увольняет без предупреждения, кричит на подчинённых так, что стены дрожат, и никому не прощает ошибок. У него нет сердца, только голый расчёт.

— А вы чего не попробуете? — вдруг спросила тётя Нина, останавливаясь с тряпкой. — Молоденькая, грамотная, наверняка. Глядишь, и приглянулись бы.

Агата усмехнулась, поправила очки на переносице и покачала головой.

— Я лучше здесь, тётя Нин. Тут спокойно. И фикус знакомый.

— Фикус, — фыркнула тётя Нина. — С фикусом детей не наживёшь. А там, глядишь, и судьбу бы встретили: на 33 этаже много завидных женихов.

— Судьбу? — Агата хмыкнула. — С такими судьба — в психушку попасть. Нет уж, спасибо.

Она уже повернулась, чтобы уйти, когда в кармане завибрировал телефон. Взглянула на экран. Отец.

На секунду замерла. Сердце пропустило удар, потом забилось быстрее. Она всегда боялась его звонков. Потому что никогда не знала, что услышит. Пьяные извинения? Просьбы о деньгах? Молчание?

— Пап? — ответила она, отходя в угол атриума, подальше от тётя Нины.

— Агата Дочка — голос отца был не просто пьяным — он был разбитым, запредельно уставшим, чужим. Таким она слышала его только раз, когда он впервые сорвался и запил после ухода матери. — Ты ты меня прости Я не хотел

— Что случилось? — Агата прижала телефон к уху плотнее, чувствуя, как внутри всё холодеет. — Пап, ты где? Ты в порядке?

— Они пришли, дочка. Коллекторы. — Он всхлипнул, и этот звук резанул по сердцу острее ножа. — Сказали, если до следующей пятницы не отдам полмиллиона, и эту квартиру отберут. И меня меня убьют, Агата. Я ведь всё потерял. Себя потерял Прости меня, доченька. Прости, если сможешь, но я так больше не могу жить.

— Пап, подожди, — зашептала она в трубку, хотя вокруг никого не было. — Пап, не смей ничего делать! Слышишь? Я приду, я что-нибудь придумаю. Только не смей

Но связь оборвалась.

— Пап? Пап! — Агата трясущимися пальцами нажала вызов. Сброс. Ещё раз. Сброс. Телефон отца был недоступен.

Она стояла в атриуме, где внизу кипела жизнь и девушки мечтали о счастье с монстром, и смотрела на погасший экран телефона.

Полмиллиона. До пятницы.

А в её кошельке — три тысячи рублей до аванса. И красный диплом, который ничего не стоит в этом мире.

Глава 2. Вчерашняя отличница

POV Agata

После работы Агата не поехала сразу домой или к отцу, тем более что отец через полчаса перезвонил и снова попросил денег на выпивку, делать с собой он явно ничего не собирался. Она не могла. Внутри всё кипело, бурлило, требовало выхода, но выхода не было. Денег нет, знакомых, у которых можно занять, нет, возможностей нет. Есть только пустота и страх, который разрастался внутри, заполняя каждую клеточку.

Ноги сами принесли её в старый центр. Туда, где когда-то всё было по-другому.

Она остановилась напротив ресторана «Сенег» (итл. "Ченере"). Вернее, того, что от него осталось. Сейчас здесь была какая-то сетевая кофейня с безликим дизайном, одинаковыми стульями и посредственным кофе. Но фасад ещё помнил прежнюю жизнь. Лепнина, высокие окна, кованые решётки.

Агата смотрела на витрину и видела не столики с ноутбуками и скучающих посетителей. Она видела другое.

Ей восемь лет. Папа берёт её с собой на работу, потому что мама улетела в Милан на шопинг. Он сажает её за самый красивый столик у окна, откуда видно всю улицу, и приносит десерт, которого нет в меню, но шеф-повар готовит всегда для нее: «Для моей принцессы всё, что угодно», — говорит он и подмигивает. На нём белоснежная рубашка, дорогие часы, которые потом пришлось продать за копейки, и такая уверенность в завтрашнем дне, что ею можно было накормить весь город.

— Будешь большим человеком, Агата, — говорит он, глядя, как она уплетает ягодное тирамису. — Я уже договорился, после школы отправим тебя учиться в Лондон. А хочешь — в Штаты? У меня там партнёры, помогут. Ты у меня талант, дочка. Я из тебя сделаю человека.

— Пап, а ты будешь мной гордиться? — спрашивает она, испачкав нос в какао.

— Я уже горжусь, — он гладит её по голове. — Каждый день. Каждую минуту.

Агата моргнула, прогоняя видение. В кофейне за стеклом парень в худи уткнулся в ноутбук, девушка пила латте и листала ленту. Никто не знал, что здесь когда-то пахло трюфелями и успехом. Что здесь когда-то она была счастлива.

Она пошла дальше, пряча лицо от ветра. Воспоминания лезли, как осенние листья в раскрытую сумку — цеплялись, кололись, не давали идти спокойно. Она пыталась их отогнать, но они были сильнее.

Вот она с папой в Париже — ему нужно было на какую-то выставку рестораторов, и он взял её с собой. Ей тринадцать, она впервые видит Эйфелеву башню и замирает от восторга. Папа фотографирует её на плёночный фотоаппарат и обещает, что когда-нибудь они поедут в Нью-Йорк, в Лондон, в Токио.

— Ты увидишь весь мир, дочка, — говорит он. — Я тебе обещаю.

Вот она за ужином дома. Мать накрывает на стол, папа открывает бутылку дорогого вина. Они смеются, обсуждают её успехи в школе, строят планы на лето. Идеальная семья. Идеальная жизнь.

Вот её день рождения, шестнадцать лет. Папа закрыл целый зал в своём ресторане, пригласил всех одноклассников, заказал торт в три яруса. Она в красивом платье, которое мать выбирала две недели, чувствует себя принцессой. Папа произносит тост: «За мою девочку, которая станет великим дипломатом. Я верю в тебя, Агата».

Она верила. Потому что папа никогда не обманывал. Тогда.

А потом жизнь дала трещину. Сначала маленькую, незаметную, а потом рухнула совсем.

Агата остановилась у витрины книжного, не видя, что там выставлено. Перед глазами стояло другое.

Поступление в МГИМО она помнила поминутно. Как отец не спал ночь перед объявлением результатов, как сам повёз её подавать документы, как потом закатил банкет в ресторане на сто пятьдесят персон. «Моя дочь будет дипломатом, я же говорил! — гремел он на весь зал. — Она будет представлять нашу страну на международной арене! Вот увидите, все СМИ о ней напишут!»

Она действительно хотела. Училась как одержимая, языки давались легко, преподаватели пророчили большое будущее. Английский, испанский, немецкий, турецкий, китайский — она брала их как вершины, одну за другой. Китайский, самый сложный, дался с боем, но к третьему курсу она переводила почти синхронно. Преподаватели ставили её в пример, однокурсники завидовали, отец светился от гордости.

— Ты моя умница, — говорил он, когда она приезжала домой на выходные. — Я так тобой горжусь, дочка. Ты пойдёшь дальше меня. Ты станешь кем-то по-настоящему великим.

Она верила. Потому что всё шло к этому.

А потом случилась осень, изменившая все.

Первый курс только начался. Агата приехала домой на выходные и застала мать в гостиной с чемоданами.

— Я ухожу, — сказала Елена, даже не повернув головы. Она красила губы перед зеркалом, поправляла идеальную укладку. — Твой отец — неудачник. Я не собираюсь тонуть вместе с ним.

— Мам, что случилось? — Агата тогда ещё не знала про кредиты, про кинувшего партнёра, про многомиллионные долги. Она видела только идеально уложенные волосы матери, её холодные глаза и полное отсутствие эмоций на красивом лице.

— Ты взрослая, разберёшься. Если захочешь — будем общаться. Я всегда буду рада тебя видеть. Но жить здесь больше не могу.

Она ушла. Хлопнула дверью, даже не обняв дочь. Даже не оглянувшись.

Агата стояла посреди гостиной и смотрела на закрытую дверь. Ей казалось, что это сон. Что мать сейчас вернётся, скажет, что пошутила. Но мать не вернулась.

А через месяц у отца случился первый сердечный приступ. Потом — второй. Между ними были суды, коллекторы, бесконечные звонки с угрозами, продажа квартиры, переезд в однушку на окраине. Отец держался первое время, пытался выплыть, искал работу, хватался за любую возможность. А потом сдался.

Агата помнит тот день, когда впервые увидела его пьяным. Он сидел на кухне в новой убогой квартире, грязный, небритый, и пил дешёвый портвейн из горла. Глаза у него были пустые, мёртвые.

— Пап — только и смогла сказать она.

— Прости, дочка. Я не смог. — Он заплакал, впервые на её памяти. — Я просто не смог. Я всё потерял. Твоё будущее потерял. Прости меня, если сможешь.

Агата тогда обняла его, прижала к себе, гладила по голове, как маленького. И шептала: «Всё будет хорошо, пап. Я рядом. Я нас вытащу».

С того дня она перестала быть ребёнком. И началась другая жизнь.

Выживала как могла. Днём — лекции, семинары, курсовые. Вечерами и ночами — переводы для бюро. Она брала всё: технические тексты, юридические документы, даже инструкции к китайским станкам. Платили копейки, но на жизнь хватало. А ещё она делала курсовые и дипломы для ленивых сокурсников — тех, чьи родители могли себе это позволить. За это платили уже нормально. Иногда удавалось заработать столько, что хватало не только на еду, но и на лекарства для отца.

— Ты вообще спишь когда? — спросила как-то одногруппница Катя, застав её в библиотеке в восемь вечера с кипой бумаг.

— Когда умру — выплусь, — отшутилась Агата, растирая слипающиеся глаза.

Она действительно не спала. Боялась, что если остановится, если позволит себе выдохнуть, то сломается. Как отец. А ломаться было нельзя. Потому что если сломается она, то кто вытащит его?

Она видела, как отец строил империю и потерял всё. Видела, как мать выбрала деньги и статус. Видела, как мир ломает тех, кто слишком высоко взлетает. И сделала выводы.

Когда вручали дипломы, Агата стояла в толпе счастливых выпускников и чувствовала только пустоту. Пять лет ада, пять лет борьбы, бессонных ночей, бесконечной усталости — ради чего? Чтобы пойти работать по специальности и каждый день бояться, что тебя уволят, что ты не справишься, что всё повторится?

Нет. Лучше быть незаметной. Лучше сидеть в каком-нибудь подвале и заниматься ничемной, но приносящей стабильный доход работой. Там безопасно. Там никто не ждёт от тебя подвигов. Там не надо бояться, что ты не оправдаешь чьих-то надежд.

— Ты с ума сошла? — Катя, та самая одногруппница, нашла её через месяц после выпуска. Она устроилась в какую-то крутую компанию, носила дорогие костюмы, пахла успехом и светилась счастьем. — У тебя красный диплом МГИМО, пять языков, а ты хочешь идти оператором ввода данных? Это же даже не бухгалтерия, это просто забивать циферки! Ты понимаешь, что это ниже твоего плинтуса?

— Мне всё равно, Кать, — Агата пожала плечами, отводя взгляд. — Я устала. Просто устала бороться.

— Но ты же могла бы

— Что? — перебила Агата, и в голосе её впервые за долгое время прорезалась злость. — Построить карьеру, стать большой шишкой, а потом в один день потерять всё? Как папа? Нет, спасибо. Я лучше буду серой мышью. Меньше риска разбиться.

Катя смотрела на неё с жалостью. Агата ненавидела этот взгляд, но привыкла.

— Ладно, — вздохнула Катя. — Я попробую тебя устроить. У меня есть знакомый в «Вертикали», огромный холдинг, который недавно перекупили. Там никто не заметит, что ты спишь на ходу. А зарплата — на жизнь хватит.

Хватило. На выживание.

Агата очнулась от воспоминаний уже на пороге квартиры тети Раи. Ноги гудели, в сумке лежал контейнер с недоеденным обедом, впереди — вечер с тётей Раей и бесконечные мысли о завтрашнем дне.

— Пришла наконец-то, — тётя Рая встретила её на кухне с вязанием в руках. — Иди чай пить. Опять по городу бродила?

Агата молча села за стол. Рая пододвинула к ней кружку с горячим чаем и плюшку с повидлом.

— Красивая ты у меня, — вдруг сказала она, вглядываясь в Агатино лицо. — А прячешь всё. Очки эти, тряпки. Не мужа, так хоть парня бы завела, глядишь, и жизнь веселей пойдёт.

— Тётъ Рай, какие парни? — Агата отпила чай, чувствуя, как тепло разливается по телу. — Мне бы с долгами разобраться, отца вытащить. Не до парней.

— Эх, девонька, — Рая вздохнула, спицы замерли. — А я вот своего дурака родила, вырастила, а он — она махнула рукой в сторону телефона, который так и не звонил. — Думала, внуков нянчить буду. А теперь вон ты у меня как внучка. И замуж тебя охота пристроить, да погляжу — не горишь ты жизнью-то. Как свечка оплывшая.

— Горю, — усмехнулась Агата. — Работой.

— Работа не жена и не муж, она ночью не согреет, — наставительно сказала Рая и снова углубилась в вязание. — Она денег даст, и то не всегда. А душе нужен кто-то живой. Ты подумай об этом, Агата. Нельзя всё время прятаться.

Агата смотрела в кружку и думала о том, что Рая права. Она не горит. Она тлеет. И это безопасно. Когда тлеешь — не сгоришь дотла. Не разобьёшься, как папа. Не улетишь слишком высоко, чтобы больно было падать.

В кармане завибрировал телефон. Агата машинально достала его, глянула на экран.

Незнакомый номер. Сообщение.

Она открыла — и сердце провалилось куда-то в живот, в самый холод, в бездну.

Фотография. Отец.

Он сидит на грязном полусвоей квартиры, прижавшись спиной к стене. Лицо разбито, под глазом огромный синяк, губа рассечена. Руки связаны за спиной. Глаза закрыты — то ли без сознания, то ли просто боится смотреть.

Под фото текст, набранный капсом, будто крик:

«Долг 2 700 000 рублей. До следующей пятницы. Или следующее фото будет с биркой. Мы знаем, где ты работаешь, Вершинская. Не прячься. Деньги принесёшь сама. Адрес пришлём».

Агата смотрела на экран, и мир вокруг перестал существовать. Он же сказал полмиллиона, а тут

Чашка с чаем выскользнула из пальцев, разбилась о пол с противным звоном. Осколки брызнули в стороны, горячая жидкость залила тапки, но она не чувствовала.

— Агата? — тётя Рая вскочила, уронив вязание. — Агата, что случилось?! Кто это?

Но Агата не могла говорить. Она только смотрела на экран, на разбитое лицо отца, на эти страшные цифры.

Два миллиона семьсот тысяч.

До следующей пятницы.

Глава 3. Долги отца

POV Agata

Агата не спала всю ночь.

Она сидела на кухне, обхватив руками кружку с остывшим чаем, и смотрела в одну точку. Телефон лежал перед ней экраном вниз — она боялась на него смотреть. Боялась, что придёт ещё одно сообщение. Ещё одно фото. Ещё одна угроза.

Тётя Рая сначала пыталась её успокоить, поила валерьянкой, уговаривала лечь спать. Потом просто сидела рядом, молчаливо вязала, и только спицы мерно постукивали в тишине. Агата была благодарна за это молчание. Слова всё равно не помогли бы.

В пять утра, когда за окном только начинало сереть, она встала.

— Ты куда? — встрепенулась Рая.

— К отцу, — Агата уже натягивала куртку. — Мне нужно его увидеть.

— Агата, может, не надо? — Рая отложила вязание. — Вдруг эти ну, которые фото прислали, ещё там?

— Затем и еду, — Агата застегнула молнию. — Если он жив, я должна его увидеть. Если нет — она осеклась, не в силах закончить мысль.

— Не каркай, — строго сказала Рая. — Дай я тебе денег на такси дам. Не в метро сейчас трястись.

— Тётъ Рай, не надо

— Молчи, — Рая уже рылась в кошельке, доставая смятые купюры. — На, возьми. И позвони, как доедешь. Сразу позвони, слышишь?

Агата взяла деньги, сунула в карман и вышла, даже не поблагодарив. Слова застряли где-то в горле.

Утро встретило её холодным морозящим дождём. Таксист всю дорогу пытался заговорить, но Агата сидела молча, вцепившись в телефон. Она прокручивала в голове варианты: что увидит, когда откроет дверь. Хуже, чем на фото, быть не могло. Но сердце всё равно колотилось где-то в горле.

Отец купил квартиру в спальном районе на окраине — дешёвую однушку в панельной девятиэтажке, где пахло в подъезде кошками и сыростью. Лифт не работал уже полгода. Агата избежала на пятый этаж, не чувствуя ног.

Дверь долго не открывали. Она уже достала ключи, которые носила с собой на всякий случай, когда за дверью послышалось шарканье.

Отец открыл не сразу — долго возился с замком, и когда дверь наконец распахнулась, Агата едва сдержала крик.

Он стоял перед ней — живой. Но выглядел хуже, чем на том страшном фото. Лицо превратилось в один сплошной синяк, губа рассечена, под левым глазом заплывший кровоподтёк. Отец опирался на стену, потому что стоять прямо не мог — правая нога подкашивалась.

— Дочка — прохрипел он. — Зачем приехала? Я же просил

— Молчи, — Агата шагнула внутрь, подхватила его под руку, повела в комнату. — Давай сядем. Где у тебя аптечка?

— Да какая аптечка — отмахнулся он, но послушно опустился на продавленный диван.

Агата огляделась. Квартира была ужасна — дыра на дыре. Дешёвый ремонт ещё с девятидесятых, старая мебель, везде грязь и запустение. На полу окурки, пустые бутылки, на столе — остатки еды. Отец жил здесь последние два года после того, как продал большую квартиру в центре, чтобы расплатиться с основным долгом, и переехал сюда, потому что здесь было дешево или походило его "новому" образу жизни. Агата уже не помнила. За эти годы он сменил столько адресов, бегая от кредиторов, что она сбилась со счёту.

Она нашла аптечку в ванной — старую, запывившуюся, с просроченными лекарствами, но бинты и перекись там были. Вернулась в комнату, села рядом и начала обрабатывать раны.

— Больно? — спросила, смачивая ватку перекисью.

— Нет, — соврал он. — Я ничего не чувствую уже.

Агата промолчала. Она обрабатывала ссадины и думала о том, что когда-то этот человек возил её в Париж, покупал самые красивые платья и обещал, что она увидит весь мир. А теперь она заклеивает пластырем его разбитую бровь в вонючей квартире на окраине.

— Рассказывай, — сказала она, закончив. — Что случилось? Кто это был? Что они сказали?

Отец тяжело вздохнул, потёр здоровой рукой лицо.

— Пришли вчера вечером. Трое. Я дверь открыл, думал, ты приехала. А они — он зажмурился, будто пытаюсь прогнать воспоминание. — Сказали, что если к следующей пятнице не будет двух миллионов семисот, то меня убьют. А тебя тебя найдут и заставят отрабатывать. Я им сказал, что ты тут ни при чём, что ты ничего не должна. А они смеялись. Сказали, что ты поручительница кредита. Помнишь, я просил твой паспорт? Сказал, для переоформления?

Агата похолодела. Помнила. Год назад отец просил паспорт, якобы чтобы переоформить документы на квартиру, сделать её собственницей. Она тогда не придавала значения, дала. Довелась.

— Ты — голос её сорвался. — Ты оформил на меня поручительство? Пап, ты понимаешь, что это значит? Теперь они от меня точно не отстанут. Я тоже должна эти деньги.

— Прости, дочка, — он заплакал. Слезы текли по разбитому лицу, смешивались с кровью на рассечённой губе. — Я не хотел. Я думал, что справлюсь. Думал, найду работу, отдам. А потом запил и всё пошло по кругу. Я не хотел тебя втягивать.

Агата смотрела на него и чувствовала, как внутри всё сжимается. Одно дело выплачивать долги отца, когда кредиторы о тебе не знают, другое дело стать самому должником. Она злилась. Злилась так сильно, что хотелось кричать, бить посуду, рвать на себе волосы. Но вместо этого она обняла отца.

— Мы что-нибудь придумаем, — сказала она, глядя его по грязным седым волосам. — Обязательно придумаем.

Они проговорили два часа. Отец рассказал, что остаток долга — те самые два миллиона семьсот — и что проценты растут каждый день. Что коллекторы звонят по двадцать раз на дню, приходят, угрожают. Что он уже не знает, куда бежать и что делать.

— Давай продадим эту квартиру, — предложила Агата.

Отец молча кивнул, утирая слезы грязным рукавом дырявого свитера.

Агата лихорадочно начала искать в телефоне объявления риэлторов. Надо было что-то делать. Действовать. Сидеть и ждать она не могла.

— Я позвоню, — сказала она. — Сейчас приеду на работу и начну звонить.

— Агата ты прости меня. За всё прости.

Она обернулась в дверях.

— Ты главное живи, пап. Остальное решим.

В офис Агата прибежала за пять минут до начала рабочего дня, запыхавшаяся, злая и вымотанная. Никто не обратил внимания — в опен-спейсе каждый был занят своим делом, своими цифрами, своей серой жизнью.

Она села за стол, включила компьютер и уставилась в монитор. Цифры плыли перед глазами. Она не видела их. Перед глазами стояло разбитое лицо отца, грязь в его квартире, цифра 2 700 000, которая горела в мозгу как клеймо. Поэтому отложив работу, она начала обзывать риэлторов.

Первый риэлтор — мужчина с бодрым голосом — рассмеялся ей в трубку: «Девушка, вы шутите? За две недели продать халупу на окраине окраины? Только если за полцены, и то вряд ли».

Второй был вежливее, но сказал то же самое: минимум месяц, максимум два, цена — около двух миллионов.

Третий вообще не взял трубку.

Четвёртая — женщина, судя по голосу, лет сорока — выслушала Агату внимательно, не перебивая.

— Я понимаю вашу ситуацию, — сказала она спокойно. — Давайте я приеду, посмотрю квартиру, оценю. Но сразу предупрежу: быстро не продать. Район плохой, дом старый, коммуникации изношенные. Если повезёт, найдёте покупателя за три-четыре недели. И то за два миллиона, не больше. За два сёмсот — только если ждать полгода.

— А если срочно? — спросила Агата, чувствуя, как внутри всё обрывается.

— Срочно — полтора, — вздохнула женщина. — И то если очень повезёт. Можем попробовать, но я честно говорю: шансов мало.

Агата договорилась с ней на вечер. Женщина — её звали Марина Сергеевна — обещала приехать после семи, оценить квартиру и составить договор на услуги.

После разговора с риэлтором Агата тут же написала сообщение отцу: «Вечером приедет риэлтор, посмотрит квартиру. Ты встретишь?» Телефон пиликнул входящим через пару минут, на экране высветилось лаконичное: «Встречу».

В обед пришло сообщение.

Незнакомый номер. Она уже знала, что там, но всё равно открыла.

«Не думай, что спрячешься, Вершинская. Мы знаем, где ты работаешь. Долг твой теперь, поняла? До пятницы. Не будет денег — будешь работать на нас. По-другому. Подумай».

Агата смотрела на экран, и руки у неё дрожали. Потом глубоко вздохнула, убрала телефон в ящик стола и продолжила вбивать цифры. Надо было работать. Надо было держаться. Надо было делать вид, что всё нормально.

В перерыве она пошла в столовую. В очереди стояла Ольга из финансового отдела — женщина лет пятидесяти, простая, беззлобная, всегда готовая поболтать.

— Слышала новость? — зашептала Ольга, едва Агата оказалась рядом. — Волин наш совсем озверел. Пятый месяц помощницу ищет, ни одна не подходит. Говорят, уже готов нанять хоть кого, лишь бы работала, а не строила глазки. А эти дуры всё бегут, думают, что смогут его охмурить. Ха! Да он же каменный. Ни одна не пробилась ещё.

Агата слушала вполуха, кивала, делала вид, что ей интересно. На самом деле ей было всё равно. Какие-то помощницы, какой-то Волин, какие-то дуры, которые лезут к нему. Пусть лезут. Ей бы самой выжить.

— А вон, кстати, его зам идёт, — Ольга кивнула в сторону коридора. — Бедняга, теперь вместо помощника в приёмной сидит, пока конкурс идёт.

Агата мельком глянула в ту сторону. Высокий мужчина в дорогом костюме разговаривал с кем-то по телефону, жестикулировал, выглядел уставшим и злым. Она отвернулась. Не её жизнь. Её жизнь — это цифры, таблицы и долг в два миллиона сёмсот.

Весь день тянулся бесконечно. Агата механически вбивала данные, а в голове крутились варианты. Продажа квартиры — два миллиона, если повезёт. Где взять ещё сёмсот тысяч? В долг? У кого? У тёти Раи? У неё самой копейки. У Кати? Та вроде при деньгах, но даст ли? И сколько?

Она уже прикидывала, кого можно обзвонить, когда замигал телефон. Новое сообщение. Она открыла — и сердце ушло в пятки.

Фото отца. Снова избитого. В его же квартире. И текст: «Торопись, Вершинская. Время идёт».

Агата зажмурилась, убрала телефон. Работать. Надо работать. Она не могла сейчас сорваться, не могла убежать. Надо дождаться вечера, встретиться с риэлтором, хоть что-то решить.

Она просидела до конца дня как на иголках. Пальцы дрожали, цифры путались, пришлось переделывать три таблицы. Но никто не заметил. В опен-спейсе все были заняты собой.

В шесть вечера она выскочила из офиса, на ходу набирая сообщение Марине Сергеевне: «Я освободилась, выезжаю. Буду через час». И побежала к выходу.

На улице моросил дождь. Агата вышла из стеклянных дверей офисного центра, достала зонт, шагнула в сторону метро — и замерла.

Перед ней стоял мужчина. Огромный, под два метра ростом, в чёрной куртке, с холодными глазами и неприятной ухмылкой. Он перегородил дорогу, не давая пройти.

— Вершинская? — спросил он, хотя явно знал ответ.

— Я, — Агата сжала зонт как оружие. — Что вам нужно?

— Ты знаешь что, — он шагнул ближе, схватил её за локоть. Пальцы сжались больно, до синяков. — Мы тебе писали. До пятницы срок. А ты по офисам сидишь. Нехорошо. Деньги где?

— Я ищу, — Агата попыталась вырвать руку, но он держал крепко. — Отпустите, мне больно.

— Больно будет потом, — он наклонился к самому уху, обдавая сигаретным запахом. — Слушай сюда, красавица. Если к следующей пятнице не будет денег, мы тебя найдём. И тогда будешь отрабатывать не только за папашу, но и за проценты. А ты девка видная, хоть и прячешься за очками. Клиенты найдутся. Поняла?

Агата смотрела на него и чувствовала, как страх сковывает горло. Она не могла кричать, не могла позвать на помощь. Рядом были люди, но никто не обращал внимания — ну стоит мужик, держит девушку за локоть, мало ли, свои разборки.

И вдруг она краем глаза увидела чёрный автомобиль, выезжающий с подземной парковки. Медленно, плавно, как хищник. Автомобиль остановился у выезда, и из опустившегося стекла она увидела профиль мужчины выдыхающего сигаретный дым. Тот самый Волин — она узнала его по фотографиям в деловых журналах, которые иногда листала в столовой. Он говорил по телефону, даже не глядя в её сторону. Говорил спокойно, размеренно, явно решая какие-то вопросы. Его лицо было холодным, бесстрастным.

Мужчина, державший Агату, тоже заметил машину. На секунду ослабил хватку. Агата рванулась, но он снова сжал локоть.

— Стоять, — прошипел он. — Не дёргайся.

Волин даже не повернул головы. Он закончил разговор, убрал телефон, выбросил остатки сигареты, стекло поползло вверх, и машина медленно уехала в сторону проспекта.

Агата смотрела ей вслед и чувствовала, как последняя надежда на помощь уходит вместе с красными габаритными огнями.

— Не надейся, — хохотнул мордovorот. — Такие, как он, на таких, как ты, даже не смотрят. Ты для него — пустое место. А для нас — нет. Так что думай, Вершинская. Пятница близко.

Он отпустил её локоть, толкнул так, что она чуть не упала, и растворился в толпе.

Агата стояла под дождём, растирая ушибленную руку, и смотрела на пустую дорогу.

Два миллиона семьсот тысяч. До пятницы.

И ни одной живой души, которая могла бы помочь.

Глава 4. Точка кипения

POV Agata

Агата стояла под дождём, растирая саднящий локоть, и смотрела на пустую дорогу.

Красные габаритные огни чёрного автомобиля давно растворились в серой пелене вечернего города, а она всё не могла сдвинуться с места. Коллектор скрылся в толпе так же внезапно, как и появился, оставив после себя только липкий страх и противный запах дешёвых сигарет, будто въевшийся в волосы и одежду.

В голове было пусто. Абсолютно, звеняще пусто. Только одна мысль билась где-то на периферии, как муха о стекло: «Надо ехать. К отцу. Там риэлтор».

Агата машинально достала телефон. Новых сообщений не было, но старые угрозы горели на экране, прожигая глаза. Она убрала телефон, глубоко вздохнула и вызвала такси.

В машине её трясло. Не от холода — от нервов. Руки дрожали так, что пришлось сесть на них, чтобы успокоить. Невидящем взглядом она смотрела в окно на мокрые улицы, на спешащих куда-то людей, на огни витрин. Перед глазами стояло равнодушное лицо Волина, мазнувшего взглядом по дуэту Агаты и мордоворота-коллектора, выдыхающего сигаретный дым. Он даже не заинтересовался явно крепким захватом локтя коллектором.

«Ты для него — пустое место», — эхом отдавались слова мордоворота.

Она знала, что это правда. Для таких, как Волин, такие, как она, действительно пустое место. Серая мышь из подвала, оператор ввода данных, цифра в отчётности. Не человек.

У отца было прибрано.

Агата сразу заметила это, едва переступила порог. Исчезли пустые бутылки, окурки, грязная посуда. На столе появилась чистая скатерть — старая, выцветшая, но чистая. В комнате пахло не перегаром и сыростью, а хлоркой — видимо, отец драил всё с остервенением.

Сам он стоял посреди комнаты в чистой рубашке, нелепо смотревшейся на его осунувшемся, избитом лице. Синяки за день расцвели ещё ярче — лиловыми, чёрными, жёлтыми пятнами. Но он побрился. Впервые за много месяцев побрился.

— Дочка — голос его дрожал. — Ты прости за утро Я тут убрал немного. Чай будешь?

Агата смотрела на него и чувствовала, как внутри всё разрывается. Он старался. Ради неё старался. Впервые за шесть лет.

— Давай чай, пап, — она улыбнулась, шагнула к нему, обняла, прижалась щекой к груди. — Скоро риэлтор придёт. Ты как? Не очень больно?

— Ерунда, — он погладил её по голове, как в детстве. — Я железный. Ты держись, дочка. В дверь позвонили ровно в семь.

Марина Сергеевна оказалась именно такой, какой представлялась по голосу — лет сорок, усталая, с добрыми глазами и тёмными кругами под ними. Одета просто, без изысков, как любят большинство столичных риэлторов, в руках потёртая кожаная сумка. Она окинула Агату быстрым взглядом, задержалась на её лице, но ничего не спросила. Только кивнула:

— Здравствуйте. Показывайте, что тут у вас.

Она ходила по квартире долго и въедливо. Щупала стены, заглядывала в ванну, включала и выключала воду, открывала окна, проверяла батареи. Отец мялся в углу, теребя пуговицу на рубашке. Агата застыла у окна, вцепившись в подоконник так, что побелели костяшки.

Марина Сергеевна закончила осмотр, вздохнула, села на табуретку и раскрыла блокнот.

— Честно? — она подняла глаза на Агату. — Квартира в ужасном состоянии. Ремонта не было лет двадцать, может, больше. Коммуникации старые, проводка — вообще беда, такое только менять полностью. Район непрестижный, транспорт плохо ходит, инфраструктуры никакой. Быстро продать не получится.

— Сколько? — Агата сглотнула.

— Если очень повезёт найти покупателя — полтора миллиона. Но это через месяц-полтора, не раньше. Если срочно — миллион двести, и то я не гарантирую. Рынок сейчас тяжёлый, такие квартиры уходят долго.

Агата почувствовала, как пол уходит из-под ног. Она вцепилась в подоконник крепче.

— А если заложить? — голос её дрогнул. — В ломбард или под залог?

Марина Сергеевна сочувственно покачала головой.

— Ломбарды дадут копейки. Тысяч триста-четыре, не больше. И проценты там бешеные, попадёте в ещё большую кабалу. Я бы не советовала.

Она помолчала, потом добавила мягче:

— Извините, что так прямо. Но я не люблю людям сказки рассказывать. Вы просили честно — я честно.

— Спасибо, — выдохнула Агата. — Спасибо за правду.

Марина Сергеевна оформила договор на услуги, взяла предоплату — три тысячи, последнее, что оставались у Агаты. Пообещала завтра же разместить объявления на всех площадках, обзвонить знакомых покупателей.

— Не теряйте надежды, — сказала она на прощание. — Иногда чудеса случаются.

Когда дверь за ней закрылась, Агата прислонилась к стене и закрыла глаза.

— Дочка — отец подошёл, осторожно тронул за плечо. — Давай ещё чай попьем. Или что крепче? Нет, не то. Просто посидим.

Агата открыла глаза и посмотрела на него. На его разбитое лицо, на эти жалкие попытки быть сильным, на надежду в глазах, которую он пытался изобразить.

— Пап, — сказала она тихо. — У нас осталось полторы недели. Квартиру мы за это время не продадим даже за миллион. Ты понимаешь?

Он понял. Лицо его осунулось ещё больше, плечи опустились.

— Что же делать?

— Не знаю, — честно ответила Агата. — Я поеду, попробую поговорить с тетей Раей, чтобы после продажи ты переехал к нам, но с условием не пить. Завтра позвоню.

— Остайся, — попросил он. — Хоть на час. Посиди со мной.

— Не могу, — она покачала головой. — Мне на работу надо утром, а отсюда ещё вернуться надо, на такси денег нет.

Она не хотела оставаться. Не потому, что не любила отца. А потому что, если бы осталась — разрыдалась бы. И не смогла бы остановиться.

В квартире у Раи горел свет.

Сама хозяйка сидела на кухне с вязанием в руках, но спицы замерли — она не вязала, она ждала. Увидев Агату, вскочила так резко, что клубок упал на пол и покатился под стол.

— Ну что? — голос её дрожал. — Как он? Агата, на тебе лица нет!

И Агата сломалась.

Она опустилась на табуретку, закрыла лицо руками и зарыдала — навзрыд, как в детстве, когда разбивала коленку и бежала к маме, а мама жалела. Только теперь жалеть было некому. Кроме тёти Раи.

Рая бросилась к ней, обняла, прижала к себе, гладила по голове, по спине, шептала что-то ласковое, неразборчивое. Пахло от неё корвалолом, и этот запах почему-то успокаивал.

— Ну тихо, тихо, доченька Рассказывай, что стряслось. Всё рассказывай.

И Агата рассказала. Всё. Про долг, про коллекторов, про угрозы, про то, что продажа квартиры не спасёт — денег всё равно не хватит. Про того верзилу у офиса, который схватил за локоть и обещал заставить отрабатывать телом. Про Волина, который проехал мимо в чёрной машине и даже не взглянул, хотя она стояла в двух шагах.

— Я думала, — всхлипывала она, — что хоть кто-нибудь поможет. Что увидит, что Глупая. Кому я нужна?

Рая слушала молча. Только качала головой, гладила Агату по волосам. А когда та замолчала, устало вытирая слёзы, поднялась и ушла в свою комнату.

Вернулась с потрёпанной шкатулкой — деревянной, старой, с выцветшим рисунком. Открыла. Там, перетянутая резинкой, лежала пачка купюр — пятидесяти тысяч, тысячных, даже сотенных.

— Здесь пятьдесят тысяч, — сказала Рая. — Откладывала на чёрный день. На похороны себе, на всякий случай. Но тебе сейчас нужнее. Бери.

Агата смотрела на деньги и не верила.

— Тётъ Рай что вы я не могу Это же ваши последние

— Молчи! — Рая сунула пачку ей в руки. — Ты мне жизнь спасла, когда согласилась тут жить. А то сидела бы одна в четырёх стенах, с клубками разговаривала. Бери, пригодятся. А я ещё поживу, не скоро на тот свет.

Агата сжала деньги и снова заплакала — теперь уже от благодарности. И от бессилия, потому что пятьдесят тысяч — это капля в море, которой не хватит даже на латание дыр.

— Спасибо, — прошептала она. — Спасибо, тётъ Рай.

— Иди спать, — строго сказала Рая. — Утро вечера мудренее. Завтра что-нибудь придумаем.

Ночь была бесконечной.

Агата лежала на своей скрипучей тахте, уставившись в потолок с жёлтым разводом от протечки. Нет денег, нет надежды, нет помощи.

Пятьдесят тысяч. Десять дней. Два миллиона семьсот.

Мысли метались, бились, как птицы в клетке. Можно попробовать занять у Кати. У Кати есть деньги, она хорошо зарабатывает. Но кто даст такую сумму просто так? Можно попросить в долг у других знакомых, но таких знакомых нет. Можно пойти в банк — но с такой кредитной историей отца, с её мизерной зарплатой никто не даст ни копейки. Можно попросить в счет зарплаты у начальства. Тысяч пятьдесят, может, сто. Тоже капля.

А можно можно попытаться пробиться к Волину.

Мысль была безумной. Абсолютно, клинически безумной. Она представила его ледяное лицо, каким видела мельком сегодня вечером. Спокойное, равнодушное, отстранённое. Он даже не заметил её, когда её терроризировали в двух шагах от его машины. Что она скажет ему? «Здравствуйте, я серая мышь из подвала (так высшее руководство называло опен-спейсы на первом и втором этажах), дайте миллион, а то коллекторы убьют отца»?

Он выпшвырнет её вон. Даже слушать не станет.

Но других вариантов не было.

Агата закрыла глаза и провалилась в тяжёлый, липкий сон без сновидений.

Утро было серым и мокрым – ноябрь во всю господствовал за окном.

Агата встала раньше обычного, хотя почти не спала. Долго стояла перед мутным зеркалом в прихожей, рассматривая себя. Очки, пучок, серая водолазка, чёрные брюки. Униформа незаметности.

Она сняла очки. В отражении на неё смотрела красивая девушка с тонкими чертами лица и большими серыми глазами. Красивая, но загнанная. Под глазами синяки от бессонницы, губы потрескались, кожа бледная.

— Если не попробую, — шепнула она себе, — то потом буду жалеть всю жизнь.

Она оделась тщательнее обычного. Всё те же дешёвые вещи, но хотя бы отглаженные, без пятен. Волосы убрала в тугий пучок — так строже, серьезнее. Очки надела, но другие — те, что чуть дороже, купленные когда-то давно, в прошлой жизни, для важных мероприятий. В них она выглядела почти интеллигентно.

Взяла сумку, в которую накануне положила диплом. Просто так. На всякий случай. Как талисман.

Тётя Рая провожала её в коридоре. Обняла, перекрестила.

— Держись, дочка. Я сегодня в церковь схожу, свечку за тебя поставлю. За здоровье.

— Спасибо, тёть Рай.

Агата вышла на улицу. Серое утро, моросит дождь. Люди спешат по делам, никто не обращает ни на кого внимания. В метро она прокручивала в голове варианты: сначала попросить займ под зарплату у своего начальника. А если откажут — попытаться прорваться к Волину. Это безумие, но отступить некуда.

Она вышла из метро у офисного здания. Стеклопакетные двери, охрана, вечно спешащие люди. Агата достала пропуск, но в сумке его не оказалось. Она застыла, лихорадочно роясь — телефон, кошелёк, ключи, диплом, зеркало, снова телефон. Пропуска не было.

— Чёрт! — выдохнула она.

Оставила дома. Точно оставила дома.

Придётся идти через ресепшен, выписывать временный. Ещё больше времени, ещё больше нервов. Агата выдохнула, закрыла сумку и шагнула к дверям.

Она была настолько сосредоточена на своих мыслях, на том, что скажет охране, на прокручивании вариантов разговора с начальником, что не смотрела под ноги. Только когда нога зацепилась за порожек — тот самый, дурацкий порожек, о который она спотыкалась каждое утро, — было поздно.

Агата полетела вперёд, выпустив из рук сумку. Содержимое разлетелось по мокрому полу холла, туфля слетела с ноги, очки съехали набок.

— Чёрт! Чёрт! Чёрт! — зашипела она, пытаясь встать и одновременно поймать очки.

Она стояла на коленях в грязной луже, оставшейся от чужих ботинок, собирая мокрые предметы, когда чья-то рука — в идеально выглаженном рукаве дорогого пиджака — протянула ей упавшее зеркало.

— Ваше, — раздался ледяной голос сверху.

Агата подняла голову.

И застыла.

Перед ней стоял Волин.

Высокий, безупречный, в чёрном пальто, с мокрыми от дождя волосами и холодными светлыми глазами. Он смотрел на неё сверху вниз с лёгким недоумением, будто на странный экспонат в музее. Рядом с ним застыл его зам — тот самый высокий мужчина в костюме, которого Агата видела в столовой.

— Спасибо, — выдохнула она, принимая зеркальце дрожащими руками. — Извините, я сейчас Я мигом

Она судорожно собирала бумаги, чувствуя, как горит лицо. Очки совсем съехали, пучок растрепался, на штаны в области коленок сверкали темными пятнами от слякоти. Идиллия.

Волин не уходил. Он стоял и смотрел на неё. Потом перевёл взгляд на зама.

— Петров, — сказал он вдруг своим ледяным тоном, которым, наверное, подписывал приказы об увольнении. — Помните, что я сказал вчера?

— Э — зам замялся. — Если позволите, Александр Сергеевич, вы вчера много чего говорили

— Я сказал, — Волин смотрел прямо на Агату, — что первого, кто войдёт в эту дверь сегодня утром, я возьму помощником. Любого. Хоть уборщицу.

Агата замерла с мокрым проездным в руках.

— Первый, кто вошёл, — медленно повторил Волин, — это она.

Зам открыл рот и закрыл.

— Эту? — выдохнул он. — Александр Сергеевич, вы серьёзно? Она же она с пола сейчас

— Я серьёзен, как никогда, — оборвал его Волин. Он перевёл взгляд на Агату, и в его глазах не было ни капли насмешки. Только сталь. — Через час чтобы были в приёмной на

тридцать третьем этаже. Испытательный срок — неделя. Опоздаете — уволю. Не справитесь — уволю. Вопросы?

Агата смотрела на него снизу вверх, сидя на мокром асфальте, с растрёпанным пучком и папкой в руках, и не могла произнести ни слова.

— Вопросов нет, — ответил за неё Волин. — Петров, проследи и введи в курс дела. — И, развернувшись, пошёл к стеклянным дверям, бросив через плечо: — Через час, девушка. Не заставляйте себя ждать.

Он ушёл. Зам, Петров Степан Георгиевич, ещё пару секунд смотрел на Агату с выражением «я ничего не понимаю, но спорить не буду», потом рванул следом.

Агата осталась одна на мокром полу, среди не до конца собранных предметов из сумки, с бешено колотящимся сердцем и одной мыслью в голове:

«Что только что произошло?»

Глава 5. Утро в холле

POV Волин

Утро не задалось с самого начала.

Александр Волин стоял у окна в своём кабинете на тридцать третьем этаже и смотрел на серое, затянутое ноябрьской дымкой небо. Столица раскинулась внизу, как огромный муравейник — миллионы людей, машин, проблем. Обычно вид с высоты успокаивал, давал ощущение контроля. Но сегодня не помогало.

Голова гудела после бессонной ночи. Опять этот дурацкий тендер, опять поставщики пытаются надурить, опять отчёты, цифры, бесконечные встречи. Иногда ему казалось, что он уже не человек, а просто машина по переработке информации и принятию решений.

В дверь постучали — коротко, робко. Даже не дожидаясь ответа, Волин рывкнул:

— Войдите!

В кабинет заглянул Степан Георгиевич — его основной зам, высокий худощавый мужчина с вечным выражением лёгкой тревоги на лице. В руках он держал папку с бумагами.

— Александр Сергеевич, доброе утро. Я тут принёс новые резюме на помощника. Может, посмотрите?

Волин даже не обернулся.

— Сколько их?

— Двадцать три, — Петров зашуршал бумагами. — Десять девушек, остальные мужчины. Есть несколько интересных кандидатов, один даже с опытом работы в

— И сколько из них придут на собеседование, если узнают, что работать придётся со мной? — перебил Волин.

Петров замолчал. Он знал правду. За последние полгода через кастинг прошло больше сотни человек. Никто не задерживался. Кого-то Волин увольнял сам, кто-то уходил после первой же недели, не выдержав темпа и жёстких требований. Помощница нужна была как воздух — текучка замучила, секретариат разрывался, документы тонули в хаосе. Но найти человека, который сможет работать с ним, оказалось практически невозможно.

— Вы же знаете, Александр Сергеевич, — осторожно начал Петров, — у вас репутация специфическая. Люди боятся. Особенно те, кто поопытнее. Они наслышаны.

— О том, что я монстр? — Волин усмехнулся, но в усмешке не было веселья. — Пусть боятся. Мне нужен работник, а не размазня. А эти — он кивнул на папку, — эти придут, девицы будут строить глазки, а те, что видят себя профессионалами, через неделю сбегут с истерикой.

Петров вздохнул. Он работал с Волиным пятнадцать лет и давно привык к его характеру. Знал, что за ледяной маской скрывается человек, который просто не умеет доверять. Слишком много раз обжигался — на партнёрах, на женщинах, на тех, кому верил.

— Может, всё-таки посмотрите? — робко предложил он. — Вдруг повезёт?

— Ладно, — Волин махнул рукой. — Оставь. Посмотрю после обеда. А сейчас сейчас мне нужен кофе. И сигарета.

Он вышел из кабинета, даже не взглянув на бумаги.

Лифт нёс его вниз, в холл. Волин смотрел на своё отражение в зеркальных стенах — высокий, широкоплечий, идеально выбритый, в дорогом костюме и пальто. Со стороны — образец успеха. Только глаза выдавали: холодные, усталые, пустые. Иногда ему казалось, что он разучился чувствовать. Или просто забыл, как это делается.

Он вспомнил свою бурную молодость — те годы, когда после смерти отца он чуть не слетел с катушек. С тех пор прошло семнадцать лет, а привычка курить осталась. Дурная привычка, от которой он не мог избавиться. Иногда ему казалось, что сигарета — единственное, что осталось от того прежнего, живого Саши Волина.

Холл встретил его привычной суетой. Охрана, ресепшен, люди с пропусками, спешащие по делам. Он прошёл к кофейне, взял двойной эспрессо, потому что его зам варил абсолютно отвратительнейший кофе, вышел на улицу под навес — перекурить.

Моросил дождь. Ноябрьское утро было серым и промозглым, как настроение. Волин закурил, глубоко затянулся, закрыл глаза на секунду. Кофе обжигал горло, никотин делал своё дело — в голове немного прояснилось.

— Александр Сергеевич! — раздался голос сзади.

Волин обернулся. Петров, запыхавшийся, с папкой под мышкой, выскочил следом.

— Вы простите, я не договорил. Там ещё один момент по вчерашним переговорам — он замялся, видя, что Волин не в настроении.

— Что ещё?

— Ну поставщики просят отсрочку платежа. Говорят, проблемы с логистикой. Но я думаю, они просто тянут время.

— Пусть тянут, — Волин выпустил дым в серое небо. — Скажи им: если до пятницы не оплатят, расторгаем договор. Найду других.

Петров кивнул, записывая в блокнот. Потом, помявшись, добавил:

— Александр Сергеевич, я насчёт кастинга Может, упростим требования? Ну, хотя бы временно. Возьмём кого-то попроще, чтобы хоть документы разобрать. А потом уже

— Петров, — перебил Волин, — ты когда-нибудь видел, чтобы я упрощал требования?

— Нет, но

— Вот и не предлагай.

Он затянулся ещё раз, глядя куда-то в сторону проезжей части выбросил окурочок в специальную урну. Машины, люди, суета. Вернувшись в холл, вдруг краем глаза заметил движение. Какая-то девушка зашла вслед за ним в стеклянные двери, споткнулась, упала, выронила сумку. Вещи рассыпались по мокрому полу холла — бумаги, складное зеркало, раскрывшееся от удара об пол, ещё какая-то мелочь.

Волин машинально скользнул по ней взглядом. Серая, незаметная, в дешёвой одежде. Очки, пучок, испуганный взгляд. Таких он видел сотни — офисный планктон, клерки, операторы, бухгалтеры. Те, кто никогда не поднимет глаз выше своего стола.

— а ещё вчера звонили из банка, — продолжал Петров зудеть над ухом, — сказали, что по кредитной линии всё в порядке, можно продлить

— Подожди, — вдруг перебил Волин.

Он смотрел на девушку, которая судорожно собирала вещи. Она стояла на коленях на грязном полу, очки съехали набок, волосы выбились из пучка. Вид был жалкий, беспомощный. И вдруг в голове Волина что-то щёлкнуло: она не из тех, кто придёт строить глазки. Одета как ну... Очки, пучок, вся серая. Точно не охотница за деньгами. Если она вообще сможет работать — посажу в приёмную на неделю, хобб зам передохнет. А если нет — выгоню и продолжу кастинг.

Он решительно направился к стеклянным дверям. Девушка всё ещё стояла на коленях, собирая разбросанные вещи. Волин подошёл, наклонился и поднял с пола маленькое зеркальце — оно лежало прямо у его ног, блестя на мокром асфальте.

— Ваше, — сказал он ледяным тоном и протянул ей.

Девушка подняла голову. И Волин на секунду замер.

У неё были большие серые глаза — испуганные, загнанные, но удивительно чистые. Без косметики, без фальши. Просто глаза человека, которому очень плохо. И в них не было ни тени кокетства, ни желания понравиться, ни той хищной искры, которую он привык видеть в женщинах, попадавших на его пути. Только страх и усталость.

— Спасибо, — выдохнула она, принимая зеркальце дрожащими руками.

Волин смотрел на неё сверху вниз. Мокрая одежда, растрёпанный пучок, тёмные пятна на брюках. Идиллия. Любая другая на её месте уже строил бы глазки, пыталась бы задержать его взгляд, улыбнуться. Эта просто смотрела испуганно и жалко.

Он вдруг вспомнил себя в девятнадцать. Тоже испуганного, потерянного, раздавленного смертью отца. Тоже стоящего на коленях перед жизнью, которая рухнула в одночасье. Правда, его тогда поднял дядя. А эту кто поднимет?

— Петров, — бросил он, не оборачиваясь. — Помните, что я сказал вчера?

— Э если позволите, Александр Сергеевич, вы вчера много чего говорили

— Я сказал, — Волин смотрел прямо на девушку, — что первого, кто войдёт в эту дверь сегодня утром, я возьму помощником. Любого. Хоть уборщицу.

Девушка замерла, сжимая в руках мокрую цветную карточку. Глаза её стали ещё больше.

— Первый, кто вошёл, — медленно повторил Волин, — это она.

Петров за спиной издал какой-то странный звук — то ли вздох, то ли всхлип.

— Эту? — выдохнул он. — Александр Сергеевич, вы серьёзно? Она же она с пола сейчас

— Петров, — Волин посмотрел на него тем самым взглядом, который не терпел возражений, — у тебя есть идеи лучше? Месяц мы ищем, месяц ты сидишь в приёмной вместо нормальной работы. Я устал, ты устал, все устали. Пусть попробует. Хуже не будет.

Петров вздохнул. Спорить было бесполезно. Когда Волин принимал решение, его невозможно было переубедить.

— Хорошо, Александр Сергеевич. Как скажете. Но может, хотя бы посмотрим её резюме? Узнаем, кто она вообще?

— Успеем, — отрезал Волин. — Я серьёзен, как никогда, — оборвал его Волин. Он снова посмотрел на девушку. Та стояла на коленях, не в силах подняться, и смотрела на него так, будто он только что объявил ей смертный приговор. Или помилование. Он не мог понять.

— Через час чтобы были в приёмной на тридцать третьем этаже, — сказал он жёстко. — Испытательный срок — неделя. Опоздаете — уволю. Не справитесь — уволю. Вопросы?

Девушка открыла рот, но не произнесла ни слова. Только помотала головой.

— Вопросов нет, — констатировал Волин. — Петров, проследи и введи в курс дела.

Он развернулся и пошёл к дверям, но на секунду остановился, бросил через плечо:

— Через час, девушка. Не заставляйте себя ждать.

И шагнул внутрь.

В лифте Петров молчал, но Волин чувствовал его недоумение, буквально висящее в воздухе. Наконец, когда двери закрылись, зам не выдержал:

— Александр Сергеевич, может, всё-таки объясните? Я, конечно, понимаю, что вы устали, но брать первого встречного с пола Это же нонсенс.

— Нонсенс? — Волин усмехнулся, глядя на мелькающие этажи. — Ты видел её глаза?

— Э какие глаза? — растерялся Петров.

— Чистые. Никакой фальши, никакой игры. Она не притворялась. Она действительно испугана и действительно не понимает, что происходит. Такие не врут.

Петров задумался. Потом осторожно сказал:

— Ну, может, она просто актриса хорошая?

— Нет, — Волин покачал головой. — Я таких актрис за свою жизнь видел сотни. Эта не актриса. Эта сломленная.

Он замолчал, вспоминая свои собственные тёмные времена. Иногда самые сильные люди рождаются из тех, кто упал на самое дно и сумел подняться.

— Ладно, — сказал он, когда лифт остановился. — Через час она будет. Введи её в курс дела, покажи рабочее место, объясни задачи. А я посмотрю. Если справится — оставим. Если нет — выгоним. Ничего страшного не случится.

— А если она сбежит прямо сейчас? — резонно заметил Петров.

— Не сбежит, — уверенно сказал Волин. — У неё в глазах такое отчаяние, что она за соломинку ухватится. А я для неё, почему-то мне так кажется, сейчас — соломинка. Посмотрим, что из этого выйдет.

Он вошёл в кабинет, сел в кресло и уставился в окно. Мысли крутились вокруг этой странной девушки. Серая мышь, клерк с нижних этажей, судя по пропуску, который он мельком заметил. Что она делала в холле в такую рань? Почему упала? Почему смотрела так, будто мир рухнул?

Впрочем, какая разница. Если она справится с работой — хорошо. Если нет — он даже не вспомнит её имени через неделю.

Волин открыл ноутбук и углубился в отчёты. Но краем сознания всё время возвращался к этой встрече. К этим глазам. Чистым, испуганным, настоящим. И почему-то ощущал, что она справится.

Интересно, подумал он, сколько таких серых мышей работает в его холдинге? Тысячи? Десятки тысяч? И все они проходят мимо, незаметные, невидимые. А эта вдруг попала на глаза. Случайно. Или не случайно?

Он тряхнул головой, отгоняя ненужные мысли. Работа есть работа. А через час в приёмной появится эта девушка. И он посмотрит, чего она стоит на самом деле.

А за окном моросил дождь, и серое ноябрьское утро медленно превращалось в такой же серый день.

Глава 6. Лифт наверх

POV Agata

Агата стояла на коленях в грязной луже посреди холла и смотрела вслед удаляющейся спине Волина. Он даже не обернулся. Просто шагнул в лифт, и двери сомкнулись за ним и Петровым, оставив её одну в окружении разбросанных вещей и любопытных взглядов охраны.

Несколько секунд она просто сидела, не в силах пошевелиться. В голове было пусто. Абсолютно, звеняще пусто. Только одна мысль билась где-то на периферии: «Что только что произошло?»

— Девушка, вы в порядке? — к ней подошёл охранник, молодой парень с сочувственным лицом. — Встать помочь?

Агата моргнула, посмотрела на него, будто видела впервые. Потом перевела взгляд на свои руки, сжимающие мокрое зеркальце, на разбросанные по полу вещи, на мокрые брюки.

— Да, — выдохнула она. — Да, спасибо. Я сама.

Она судорожно начала собирать остатки содержимого сумки — расчёску, проездной, какую-то мелочь. Диплом, слава богу, не выпал, лежал на дне, прикрытый косметичкой. Руки дрожали так, что мелкие предметы выскальзывали, падали снова.

Охранник помог собрать бумаги, подал упавшую туфлю.

— Вам точно нормально? — спросил он. — Может, воды?

— Нет, спасибо, — Агата поднялась на ватных ногах, отряхнула мокрые брюки. — Я в порядке. Правда.

Она отошла к стене, прислонилась спиной к прохладному мрамору и закрыла глаза. Сердце колотилось где-то в горле, в ушах гудело. Надо было прийти в себя. Надо было понять, что делать дальше.

«Через час чтобы были в приёмной на тридцать третьем этаже».

Голос Волина звучал в голове, холодный, не терпящий возражений. Это не шутка. Это реальность. Она, Агата Вершинская, оператор ввода данных, офисный планкион из опен-спейса, должна через час подняться на тридцать третий этаж. К самому Волину. В качестве его помощницы.

— Это безумие, — шепнула она себе. — Полное безумие.

Но часы на стене холла показывали без двадцати девять. Час у неё есть. Нужно успеть: зайти в туалет, привести себя в порядок, успокоиться, понять, что говорить.

Агата толкнула дверь женской комнаты, подошла к раковине, посмотрела на себя в зеркало. Зрелище было жалкое: очки заляпаны мелкими каплями дождя и грязи, из растрёпанного пучка выбились пряди, на лбу — грязное пятно, блузка намокла и помялась. Глаза красные, испуганные, загнанные.

— Соберись, — приказала она своему отражению. — Ты справишься. Ты должна справиться.

Она умылась холодной водой, причесалась, заколола выбившиеся волосы. Очки помыла и просушила бумажными полотенцами, блузку кое-как отряхнула. Лучше не стало, но хотя бы не так позорно.

Достала телефон. Сообщений от коллекторов пока нет. От отца — тоже. Выдохнула, убрала обратно.

Времени оставалось сорок минут. Она вышла из туалета и последовала в опен-спейс к своему столу, села и стала ждать. Ждать, когда можно будет подняться. Ждать неизвестности.

Ровно через сорок минут она подошла к лифтам. Нажала кнопку вызова, вошла в пустую кабину и набрала номер тридцать третьего этажа.

Двери закрылись, лифт пополз вверх.

Агата стояла, прислонившись спиной к холодной зеркальной стене, и смотрела, как мелькают цифры на табло. Второй, третий, четвёртый. Обычно она не поднималась выше 7 этажа, где был отдел кадров. С тридцатого по тридцать третий этажи сидело руководство, там началась другая жизнь, к которой она не имела отношения.

А сейчас лифт нёс её на тридцать третий.

Сердце колотилось где-то в горле, руки дрожали, в голове был полный хаос. Мысли металась, сталкивались, разбегались:

«Это ошибка. Сейчас я поднимусь, и мне скажут: «Извините, мы перепутали, вы свободны». Или ещё хуже: «Это был тест, вы не прошли, убирайтесь в свой «подвал»».

Но другая мысль, более робкая, но цепкая, впиалась в сознание:

«А если нет? Если это правда? Если я действительно стану помощником пусть на неделю, пусть испытательный срок. Это же шанс! Шанс подобраться к нему, попросить»

Она вспомнила о деньгах. О двух миллионах семистах тысячах. О коллекторах, об избыточном отце, о пятидесяти тысячах тёти Раи, которые были каплей. Волин — миллиардер. Для него эта сумма — копейки. Если бы она смогла попросить если бы он согласился

Но тут же перед глазами встало его ледяное лицо, каким она видела его вчера вечером. Равнодушное, отстранённое. Он даже не взглянул на неё, когда её терроризировали у входа. А сегодня сегодня он посмотрел. Но что было в этом взгляде? Холод, оценка, расчёт. Ни капли человеческого тепла.

«Такой не даст, — подумала Агата. — Такой скорее уволит, чем поможет. А мне сейчас работа нужна как воздух. Если я провалю испытательный срок, меня вообще из холдинга выгонят. И что тогда?»

Она зажмурилась, пытаясь унять дрожь.

Двадцать пятый, двадцать седьмой, тридцатый. Лифт замедлил ход. Тридцать третий.

Двери открылись, и Агата шагнула в коридор, который показался ей коридором в другой мир.

Всё здесь было другим. Не так, как в её опен-спейсе на первом этаже, где пахло кофе 3в1 и усталостью, где столы стояли вплотную друг к другу, где вечно гудели принтеры и трещали телефоны. Здесь было тихо, просторно, дорого. Мягкий свет, ковровые дорожки, картины на стенах, пахло кожей и деревом.

Она прошла по коридору, нашла дверь с табличкой «Приёмная». Замерла на секунду, глубоко вздохнула и постучала.

— Войдите, — раздалось изнутри.

Агата открыла дверь и вошла.

За столом в приёмной сидел Петров. Тот самый зам, который уехал в лифте с Волиным. Он поднял на неё глаза, окинул быстрым взглядом — мокрые брюки, растрёпанный вид, испуганные глаза — и кивнул на стул.

— Садитесь. Ждал вас.

Агата села на краешек стула, сцепила руки в замок.

— Я не опоздала? — спросила она тихо.

— Вовремя, — Петров отложил бумаги. — Александр Сергеевич сейчас занят, через полчаса вызовет. А пока давайте познакомимся, и я введу вас в курс дела.

— Меня зовут Агата Сергеевна Вершинская, работаю в холдинге на должности оператора ввода данных, — негромко произнесла она.

— Из подвала значит (Подвалом называли первые этажи, где сидели сотрудники низшего звена.), ну я так и подумал. — Беззлобно уточнил зачем-то в слух Петров.

Он встал, подошёл к окну, за которым плыли серые облака, и начал рассказывать.

— Ваше рабочее место — вот этот стол. Здесь вы будете сидеть. За той дверью — кабинет Александра Сергеевича. Туда без стука не входить, только когда вызовет или по очень срочному делу. Но первые пару дней лучше вообще не входить, пока не позовет.

Агата смотрела на стол — огромный, полированный, с компьютером, телефоном и кучей папок — и не верила. Её стол. Её приёмная. Её окно с видом на Москву.

— Я я не могу, — выдохнула она. — Это не моё.

— Теперь ваше, — отрезал Петров. — На неделю. А если справитесь, то и на дольше. — Скептически произнес зам. — А теперь слушайте внимательно.

Он показал, как работает внутренняя система, как принимать звонки, как записывать встречи, где стоит кофемашина для Волина, особый сорт кофе, который он пьёт трижды в день, какие документы требуют немедленной обработки, какие можно отложить.

Агата слушала, кивала, пыталась запомнить, но голова была как ватой набита. Информация не укладывалась, сыпалась сквозь пальцы.

— Ничего, — сказал Петров, видя её состояние. — Первый день всегда так. Главное — не паниковать. Если что-то срочное — звоните мне. Если очень срочное — стучитесь к нему. Но лучше не стучитесь.

Он посмотрел на часы.

— Через пятнадцать минут он вас вызовет. Посидите пока, соберитесь с мыслями. Я буду у себя, на тридцать первом. Если что — мой номер в системе под цифрой 2.

Он вышел, оставив её одну в приёмной.

Агата сидела за огромным столом, смотрела на город за окном и не могла поверить, что это происходит с ней. Ещё вчера вечером её хватал за локоть коллектор и угрожал заставить отрабатывать телом. Ещё утром она стояла на коленях в грязной луже. А сейчас она сидит в приёмной самого Волина и ждёт, когда он вызовет её.

В сумке, на дне, лежал диплом. Она сунула его туда утром, сама не зная зачем. Видимо, не зря, подсознание толкало ее на этот отчаянный шаг — попробовать себя в чем-то более сложном. Может, теперь все же пригодится?

Она достала его, раскрыла, посмотрела на красную корочку. МГИМО, международно-правовой факультет, отличные оценки, пять языков. Ирония судьбы: чтобы стать помощником, ей пришлось упасть на колени перед самым страшным человеком холдинга.

Часы показывали без пяти одиннадцать. Агата убрала диплом обратно, поправила очки, пригладила чуть выбившиеся волосы. Встала, подошла к двери кабинета, замерла.

Стучать или ждать?

В этот момент дверь открылась сама. На пороге стоял Волин.

— Заходите, — сказал он коротко и скрылся внутри.

Агата шагнула за ним, чувствуя, как сердце уходит в пятки.

Кабинет был огромным — ещё больше приёмной. Панорамные окна, длинный стол для переговоров, кожаные кресла, стеллажи с документами. Волин сидел за своим столом и даже не взглянул на неё, когда она вошла. Листал какие-то бумаги, что-то помечал ручкой.

— Садитесь, — бросил он, не поднимая головы.

Агата села на край стула напротив, сцепила руки в замок, чтобы не дрожали. Молчала, ждала.

Волин закончил с бумагами, поднял на неё глаза. Холодные, светлые, оценивающие. Смотрел долго, изучающе, будто видел впервые.

— Вершинская Агата, — сказал он наконец. — Оператор ввода данных, отдел номер 47. Работаете в холдинге год. Никаких взысканий, никаких поощрений. Обычный рядовой сотрудник, — прочитал с монитора гендиректор, видимо Петров уже все узнал.

— Да, — выдохнула Агата.

— С сегодняшнего дня вы мой помощник. Испытательный срок — неделя. — Он говорил сухо, отрывисто, будто диктовал условия контракта. — Ваши обязанности: организация моего графика, приём и обработка документов, выполнение моих личных поручений. Всё, что скажу. Вопросы?

— Я — Агата сглотнула. — Я никогда не работала помощником. У меня нет опыта. Я могу не справиться.

— Не сможете, — сверкнув взглядом, произнес Волин, — тогда я вас уволю. Не только с этой должности — из холдинга вообще. Чтобы не тратили моё время.

Агата похолодела.

— В ваших интересах, — продолжил он ледяным тоном, — не тратить ни моё, ни ваше время на пустые разговоры, а бежать переводиться и вникать в дела. Сейчас одиннадцать. Вам нужно спуститься в отдел кадров, написать заявление на перевод. Петров сказал, куда идти?

— Да, — кивнула Агата.

— Тогда свободны. После оформления вернётесь в приёмную. Изучите все файлы в системе, особое внимание уделите инструкциям, которые я скину на почту, доступ, пока вы переводитесь, вам сделают, войдете под своей стандартной учетной записью. В четырнадцать ноль-ноль зайдёте за первыми поручениями.

Она встала, сделала шаг к двери и вдруг остановилась. В голове мелькнула мысль: «Сейчас или никогда. Попроси денег. У тебя нет другого шанса».

Она обернулась.

Волин снова уткнулся в бумаги, даже не глядя на неё. Профиль его был жёстким, непроницаемым. За стеклом плыли серые облака, столица лежала внизу, как на ладони. Агата представила, как она сейчас скажет: «Александр Сергеевич, можно попросить? Мне нужны деньги, два миллиона семьсот тысяч, до следующей пятницы»

И представила его ответ. Ледяной взгляд, короткое: «Вон». И всё. Конец. Ни работы, ни надежды, ни шанса.

— Что-то ещё? — спросил Волин, не поднимая головы.

— Нет, — быстро сказала Агата. — Ничего. Извините.

И выскользнула за дверь.

В приёмной она перевела дух, прижав руки к груди. Сердце колотилось так, что, казалось, выпрыгнет. Она посмотрела на часы. Пора было спускаться в отдел кадров.

Агата вышла в коридор, нажала кнопку лифта. Двери открылись, она шагнула внутрь и ткнула кнопку 7 этажа, где сидела кадровая служба. «Вот потеха им будет», — невесело подумала про себя.

Лифт пополз вниз.

Она снова осталась одна в зеркальной кабине, и снова цифры мелькали перед глазами. Тридцать второй, тридцать первый, тридцатый

В голове крутились слова Волина: «Испытательный срок — неделя. Не справитесь — уволю из холдинга вообще». Никакой пощады. Никакого второго шанса. Только холодный расчёт и сталь.

А ещё в голове крутились другие слова: «Долг два миллиона семьсот. До следующей пятницы. Будешь отрабатывать по-другому».

Агата закрыла глаза и прислонилась к стене лифта.

— Я должна справиться, — прошептала она одними губами. — Судьба дала мне шанс. Я не имею права его упустить.

Лифт мягко остановился. Двери открылись, впуская шум и суету 7 этажа.

Агата глубоко вздохнула, поправила очки и шагнула в коридор.

Впереди был отдел кадров. А потом — возвращение на тридцать третий. И неизвестность.

Глава 7. Перевод

POV Agata

Седьмой этаж встретил её гулом голосов и стуком принтеров. Здесь было шумно, людно, двери почти всех кабинетов были нараспашку, совершенно не похоже на вылизанный до стерильности тридцать третий. Агата прошла по коридору, свернула к двери с табличкой «Отдел кадров» и толкнула тяжёлую створку.

Внутри пахло бумагой и офисной суетой. За длинной стойкой сидели три женщины - хантеры, все как на подбор — ухоженные, с идеальным макияжем и одинаково скучающим выражением лиц. За отдельным большим столом в центре кабинет восседала женщина постарше с пометкой на бейджике «Начальник отдела», она подняла глаза на вошедшую и скривилась, будто лимон разжевала.

— Вершинская? — спросила она вместо приветствия.

— Да, — Агата подошла к столу, чувствуя, как под взглядами этих четырех пар глаз её кожа покрывается мурашками.

— Ждём вас, — женщина протянула стопку бумаг. — Подпишите здесь, здесь и здесь. Срочный перевод, видите ли. Зам всех замов звонил, требовал оформить в течение часа.

Она говорила с таким пренебрежением, будто Агата была пустым местом. Впрочем, для них она такой и была.

— Никогда не думала, что доживу до дня, когда нашего учредителя так подведёт чутьё, — процедила начальница, не сводя с Агаты глаз. — Обычно у него глаз-алмаз, а тут такое недоразумение. Без образования, без опыта, из операторов ввода — и сразу в помощники. Что, проходных этажей не нашлось?

Агата молча взяла ручку и начала подписывать. Рука слегка дрожала, но она старалась не обращать внимания на ядовитые слова. В конце концов, какая разница, что думает эта женщина? Главное — подписать бумаги и получить шанс.

— И где только таких находят? — продолжила начальница, обращаясь к коллегам, будто Агаты рядом не было. — На остановке, что ли? Ладно, хоть зарплата у неё будет приличная, может, на нормальную одежду накопит.

Агата подняла глаза на цифры в приказе о переводе. И замерла.

Сумма, указанная в графе «оклад», была в пять раз больше того, что она получала в своём отделе. В пять раз! Этой зарплаты хватило бы, чтобы закрывать проценты по долгу, чтобы кормить отца, чтобы чтобы жить, а не выживать.

— Оклад вас устраивает? — ехидно спросила начальница, заметив её замешательство. — Или хотите больше? Можете попросить у Александра Сергеевича, он у нас добрый, наверное, не откажет такой «перспективной» сотруднице.

Агата сглотнула, поставила последнюю подпись и вернула бумаги.

— Всё, — сказала она тихо. — Я могу идти?

— Идите, — махнула рукой начальница. — Но предупреждаю: если вы там что-то напорочите, то мы уволим вас по статье.

Агата развернулась и пошла к выходу, чувствуя спиной четыре насмешливых взгляда.

Она уже подходила к лифту, когда сзади послышались цоканье каблучков и резкий окрик:

— Вершинская! Стоять!

Агата обернулась. К ней быстрым шагом приближалась одна из девушек, что сидели за стойкой в кабинете с начальницей отдела кадров — идеальная, как с обложки журнала. Длинные светлые волосы, тонкая талия, туфли на шпильках, платье, которое стоит как её месячная зарплата раньше. И лицо лицо с таким количеством «улучшений», что казалось восковым.

— Ты? — девушка подлетела вплотную и схватила Агату за локоть. Пальцы впились в то самое место, которое вчера сжимал коллектор. Боль пронзила руку, Агата невольно вскрикнула. — Ты, замухрышка, будешь сидеть в приёмной Волина? Ты?

— Отпустите, — Агата попыталась вырваться, но хватка была железной.

— Слушай сюда, — прошипела девушка, приблизив своё холёное лицо к самому носу Агаты. — Я на это место год охотилась. Год! Собеседования проходила, знакомства заводила, чуть ли не на коленях перед Петровым ползала, чтобы посодействовал. А ты ты пришла с улицы и села? Да как ты посмела?

— Я не сама — начала Агата, но договорить не дали.

— Мне плевать! — девушка дёрнула её за руку так, что Агата ударилась плечом о стену лифтового холла. — Чтобы через три дня твоей ноги там не было. Поняла? Иначе я сделаю так, что ты сама уползёшь. Ты знаешь, кто мой папа?

Агата молчала, стиснув зубы от боли.

— Мой папа — партнёр Волина по нескольким проектам, — самодовольно заявила девушка. — Одно моё слово — и ты вылетишь не только с этого места, а вообще из Москвы. Поняла?

— Отпустите, — повторила Агата, и в голосе её прорезалась сталь, которой она сама от себя не ожидала.

Девушка, видимо, что-то прочитала в её глазах, потому что вдруг отпустила руку и отступила на шаг.

— Считай, что это было предупреждение, — бросила она, поправляя идеальную укладку. — Три дня, Вершинская. Потом я за себя не отвечаю.

Она развернулась и ушла, цокая каблуками по мраморному полу.

Агата прислонилась к стене, растирая саднящий локоть. То же самое место. Снова. Будто коллектор оставил на ней метку, по которой теперь все будут бить.

Она посмотрела на часы. Время поджимало. Надо было спуститься в свой опен-спейс, забрать вещи и подняться обратно на тридцать третий. К неизвестности.

Лифт нёс её на первый этаж. В отдел ввода данных. Туда, где она просидела год серой мышью, незаметной и никому не нужной.

Двери открылись, и она шагнула в знакомый коридор. Пахло кофе, усталостью и дешёвым освежителем. Агата прошла к своему опен-спейсу и остановилась на пороге.

Её появления ждали.

Все головы повернулись к ней одновременно. Шёпот, который витал в воздухе, стих, а потом взорвался новым гулом. Агата видела эти взгляды — завистливые, презрительные, недоверчивые. Кто-то откровенно усмехался, кто-то качал головой, кто-то шептался с соседом, не сводя с неё глаз.

— Явилась, — раздалось откуда-то справа. — Звезда, блин.

— И как это ей удалось? — донёсся другой голос. — Наверное, знает что-то такое или кого-то такого.

— Тише вы, — шикнула третья. — Услышит ещё.

— А пусть слышит, — хохотнул кто-то. — Правда глаза режет.

Агата стиснула зубы и пошла к своему столу. Каждый шаг давался с трудом. Ей казалось, что эти взгляды прожигают спину, оставляют ожоги. Она чувствовала себя голой посреди враждебной толпы.

За столом сидела её соседка — та самая Ольга, с которой они недавно говорили в столовой. Ольга посмотрела на неё с каким-то странным выражением — смесью любопытства и неприязни.

— Ты правда к Волину идёшь? — спросила она, даже не поздоровавшись.

— Да, — Агата начала собирать вещи из ящичков стола. Старые ручки, блокноты, запасные колготки, кружка с отбитой ручкой.

— И как тебе это удалось? — в голосе Ольги зазвучали ядовитые нотки. — Ты же незаметная простушка, ни с кем не общалась. А тут — бац! — и навверх.

— Случайно, — коротко ответила Агата, не поднимая глаз.

— Случайно? — хмыкнула Ольга. — Ну-ну. Все мы знаем эти «случайности».

Агата подняла голову и посмотрела на неё. Ольга отвела взгляд, но в нём читалось: «Ты такая же, как все хищница. Просто лучше притворялась дурочкой».

— Я ничего не делала, — тихо сказала Агата. — Я просто упала. А он подобрал.

— Ага, — протянула Ольга. — Упала. Прямо перед ним. Очень удобно. Гляди, чтобы еще более не уронили.

Агата не стала отвечать. Она выдвинула нижний ящик, где под кипой старых бумаг лежала маленькая коробка. В ней были мелочи — заколки, резинки для волос, старая фотография мамы, которую она так и не выбросила. Всё это она сунула в сумку, поверх диплома.

Слёзы подступали к горлу. Она изо всех сил старалась их сдержать, но предательская влажность застилала глаза. Только не здесь, только не при них, твердила она себе. Не дай им увидеть, что тебе больно.

Она быстро моргнула, прогоняя влагу, и захлопнула пустой ящик.

— Всё, — сказала она вслух, ни к кому не обращаясь.

— Удачи там, наверно, — бросила Ольга с такой интонацией, что стало ясно: удачи она не желает, скорее надеется, что та провалится.

Агата встала, закинула сумку на плечо и пошла к выходу. Спинай она чувствовала все эти взгляды, все эти шепотки, все эти ухмылки. Казалось, стены опен-спейса давят, хотят раздавить.

У самого выхода стоял фикус.

Огромный, пыльный, с поникшими листьями — тот самый, который поливали по очереди, но он всё равно выживал. Агата остановилась на секунду, провела рукой по шершавому листу.

— Прощай, — шепнула она. — Ты хотя бы не осуждаешь.

Фикус молчал. Он просто стоял и выживал. Как она сама все эти годы.

Агата посмотрела на лифт, который должен был отвезти её навверх. Сердце колотилось где-то в горле, в ушах гудела кровь. Перед глазами стояли лица коллег, полные презрения и зависти. В ушах звучал голос той холёной девчонки: «Три дня, Вершинская». И голос Волина: «Не справитесь — уволю из холдинга вообще».

Она шагнула в лифт, нажала кнопку тридцать третьего этажа и прислонилась к холодной стене.

— Не выживу там, — прошептала она одними губами. — Не он сожрёт, так другие работать не дадут.

Двери закрылись, лифт пополз вверх, оставляя внизу её прошлую жизнь — серую, привычную, но безопасную.

А впереди была неизвестность, враждебные взгляды, угрозы и ледяной человек, от которого зависело всё.

Глава 8. Адский испытательный

POV Agata

Лифт нёс её на тридцать третий, и каждый сменяющийся на табло этаж отдавался глухим стуком сердца. Агата смотрела на мелькающие цифры и пыталась унять дрожь в коленях. В сумке, рядом с дипломом, лежала пачка с пятьюдесятью тысячами, которую сунула тётя Рая, — единственная надежда на то, что она еще может что-то изменить. Но сейчас мысли были не о деньгах. Сейчас мысли были о том, что через несколько минут она снова войдёт в приёмную, сядет за этот огромный стол и будет ждать, когда ледяной человек вызовет её и даст первое поручение.

Часы показывали без пяти два. Она успела ровно к назначенному времени.

Приёмная встретила её тишиной и запахом дорогой кожи. Агата села за стол, положила руки на полированную поверхность и несколько раз глубоко вздохнула. Компьютер уже был включён, она вошла в него под своей учетной записью, на экране горела иконка почты. Она машинально открыла — и увидела письмо от Волина, отправленное сорок минут назад.

«Вершинская. В 14.00 зайдёте и принесете кофе. Подготовьтесь фиксировать поручения».

Коротко, сухо, по-деловому. Никаких «пожалуйста», никаких «будьте добры». Приказ.

Ровно в четырнадцать ноль-ноль внутренний телефон на столе издал резкий звонок. Агата вздрогнула, сняла трубку.

— Зайдите, — раздался ледяной голос, и в трубке пошли гудки. Она невольно подумала, что ей 3 раза сказали во сколько зайти, будто с первого раза до нее не дошло.

Она встала, одёрнула блузку — ту самую, которую утром оттирала от грязи в туалете, — взяла чуть ранее приготовленный кофе по инструкции Петрова.

Волин сидел за своим столом, как и несколько часов назад. Даже поза не изменилась — прямая спина, острый взгляд, пальцы, бегло перебирающие бумаги. Агата вошла, остановилась у края стола, не решаясь сесть без приглашения, кофе поставила на самый край.

— Садитесь, — бросил он, не поднимая глаз. — И приготовьтесь записывать. Повторять не буду.

Агата опустилась на краешек стула, положила и лихорадочно открыла блокнот. Руки слегка дрожали, но она заставила себя сосредоточиться.

— Первое, — Волин поднял на неё глаза, и в них не было ничего, кроме стали. — Входящие документы. На моём столе скопилась гора бумаг, которые нужно разобрать. Ваша задача — отсортировать по степени важности, внести в электронную систему, те, что требуют моего личного подписания, положить в отдельную папку. Сделать до завтрашнего утра.

Агата кивнула, строча в блокноте.

— Второе, — продолжил Волин. — Мне нужен аналитический отчёт по сделке с компанией «ТехноИмпорт». Десять лет назад мы начинали с ними сотрудничество, сейчас планируем новый контракт. Нужно проанализировать историю взаимодействия: объёмы, риски, проблемные моменты. И дать прогноз по целесообразности возобновления партнёрства. Срок — сегодня к восемнадцати ноль-ноль.

Агата замерла с ручкой в руке.

— Простите, — вырвалось у неё. — К восемнадцати ноль-ноль? Но сейчас уже два, а я даже не знаю, где искать документы десятилетней давности, и

— Вершинская, — перебил Волин, и голос его стал ещё холоднее. — Я не просил вас рассказывать, что вы не знаете. Я поставил задачу. Ваше дело — её выполнить. Или не выполнять и быть уволенной. Третьего не дано. Свободны.

Он снова уткнулся в бумаги, давая понять, что разговор окончен.

Агата открыла рот, закрыла, потом встала и на ватных ногах вышла из кабинета.

В приёмной она прислонилась к стене и закрыла глаза. Голова шла кругом. Аналитический отчёт по десятилетней сделке за четыре часа. Да ещё и в архиве, где, по слухам, бардак невообразимый. Она представила, как начальница архива — та самая, которой плевать на порядок, — смотрит на неё с таким же презрением, как все сегодня.

«Не выживу, — подумала она. — Не он сожрёт, так другие работать не дадут».

Но внутри, где-то глубоко, закипала злость. Она вспомнила взгляды коллег в опен-спейсе, ядовитые слова начальницы отдела кадров, хватку той холёной девки на локте. Они все ждали, что она провалится. Они все надеялись, что она уползёт обратно в свою нору.

— Ну уж нет, — прошептала Агата, открывая глаза. — Я вам не доставлю такого удовольствия.

Она села за компьютер и первым делом зашла во внутреннюю систему. Нашла раздел «Архив», вбила название компании «ТехноИмпорт». Система выдала список дел за последние пять лет. Запросов за десять лет не было — видимо, старые документы хранились в бумажном виде.

Значит, надо идти в архив.

Агата посмотрела на часы. 14:10. Времени в обрез.

Она выскочила в коридор, нажала кнопку лифта и поехала на третий этаж, где, по информации из системы, располагалось архивное хранилище.

Архив встретил её запахом пыли и сырой бумаги. Огромное помещение с затемненными специальными жалюзи окнами, заставленное стеллажами до потолка. Вдоль стен громоздились коробки, папки, скоросшиватели. За столом у входа скучала женщина лет пятидесяти с идеальным маникюром и отсутствующим взглядом.

— Вам чего? — лениво спросила она, разглядывая Агату.

— Мне, по распоряжению Волина, нужны документы по компании «ТехноИмпорт» за период десять-одиннадцать лет назад, — выпалила Агата. — Очень срочно.

— Десять лет? — женщина усмехнулась. — Деточка, у нас тут такой беспорядок, что я сама иногда не найду, что где лежит. Прежний архивариус уволился пять лет назад, после него никто системой не занимался. Так что ищите сами, если хотите. Вон те стеллажи — старые дела.

Она махнула рукой в сторону дальнего угла и снова уткнулась в телефон.

Агата посмотрела на ряды коробок, и сердце упало. Искать здесь что-то — всё равно что иголку в стоге сена. Но отступить было некуда. И как только эта руководительница еще не уволена.

Она подошла к указанному стеллажу и начала лихорадочно перебирать папки. «ООО "Ромашка"», «ЗАО "Системные технологии"», «ИП Каразубов» — сплошные названия, ничего похожего на «ТехноИмпорт». Время шло, пот стекал по спине, пыль забивалась в нос.

Минут через сорок отчаяния она наткнулась на коробку, подписанную от руки: «Старые партнёры 2010–2015». Внутри были папки, аккуратно рассортированные по годам. Агата открыла 2015-й — и сердце подпрыгнуло. Папка с логотипом «ТехноИмпорт» лежала сверху.

Она выхватила её, дрожащими руками раскрыла. Внутри были все документы: договоры, акты, дополнительные соглашения, переписка. И, что самое важно, — аналитические записки старого экономиста с пометками на полях.

— Спасибо тебе, бывший архивариус, — выдохнула Агата, прижимая папку к груди. — Спасибо тебе огромное.

В приёмную она вернулась в 15:30. До восемнадцати оставалось два с половиной часа.

Агата села за компьютер, открыла папку и начала лихорадочно сканировать документы. Одновременно она искала в системе шаблоны аналитических отчётов — и нашла. В папке

«Образцы» лежал готовый файл с разделами: «История сотрудничества», «Объёмы поставок», «Проблемные моменты», «Прогноз рисков».

В голове всплыли университетские лекции. На третьем курсе им читали курс по бизнес-аналитике, и профессор, старый зануда с вечно торчащими волосами, показывал программу, которая автоматически агрегирует данные из разных источников и строит прогнозы. Агата тогда подумала, что это может пригодится, поэтому очень хорошо помнила её название.

Она быстро установила программу (лицензия у компании была, доступ нашёлся в общем каталоге), загрузила туда оцифрованные данные и начала структурировать информацию. Пальцы летали по клавиатуре, глаза бегали по строкам, мозг работал на пределе.

В 17:30 отчёт был готов. Агата перечитала его, вычитала ошибки, проверила цифры. Всё сходилось. Прогноз по рискам программа выдала оптимистичный — при условии, что новый контракт будет учитывать старые проблемы.

Осталось только распечатать и положить на стол.

В 17:55 она постучала в дверь кабинета.

— Войдите.

Волин сидел за столом, перед ним всё ещё громоздились бумаги. Он поднял глаза на вошедшую Агату, и в его взгляде мелькнуло что-то похожее на удивление, когда она положила перед ним пухлую папку.

— Что это?

— Отчёт по «ТехноИмпорт», — ответила Агата, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — История сотрудничества, объёмы, проблемные моменты, прогноз рисков. Всё, как вы просили.

Волин открыл папку, пробежал глазами первую страницу, потом вторую. На несколько секунд в кабинете повисла тишина. Агата стояла, не смея дышать.

— Садитесь, — вдруг сказал Волин, и в его голосе не было прежнего льда. Он снова уткнулся в бумаги, но теперь уже не отмахиваясь, а изучая.

Агата опустила на стул, не понимая, что происходит. Волин листал отчёт, иногда останавливаясь, вглядываясь в графики и таблицы. Минута, две, три. Наконец он закрыл папку и поднял на неё глаза. Взгляд был тяжёлым, изучающим.

— Где вы научились так работать с аналитикой? — спросил он. — Операторов ввода данных этому не учат.

Агата замерла. В голове пронеслось: «Сейчас или никогда». Но сказать правду — значит открыть себя, признаться, что она не просто серая мышь. А вдруг это навредит? Вдруг он спросит, почему она скрывала образование, и решит, что она какая-то аферистка?

— Повезло, — выдохнула она, стараясь, чтобы голос звучал естественно. — В прошлой жизни приходилось много с таблицами работать. Ну и шаблон хороший нашла. В системе.

Волин прищурился, и Агате показалось, что он видит её насквозь. Но он ничего не сказал. Только кивнул, будто принимая ответ.

— Хорошо, — сухо произнёс он. — Отчёт принят. Завтра продолжите разбирать входящие. Можете идти.

Агата встала, и тут её взгляд упал на край стола. Там, в золотой рамке, стояла фотография пожилого мужчины — седого, с умными глазами и доброй улыбкой. Она чем-то напоминала ей отца в лучшие годы. Агата замерла на секунду, но Волин перехватил её взгляд.

— Это мой дядя, — неожиданно сказал он.

Агата не знала, что ответить, поэтому просто кивнула и быстро вышла из кабинета.

В приёмной она перевела дух. Сердце колотилось где-то в горле, руки дрожали от перенапряжения. Но внутри разрасталось странное чувство — она справилась. Она сделала это. И Волин не стал копать глубже. Пока.

Часы показывали 18:10. Рабочий день официально закончился, но Агата понимала, что завтра снова будет всё сначала. Она собрала сумку, накинула куртку и вышла в коридор.

Лифт пришёл быстро. Двери открылись, Агата шагнула внутрь и нажала кнопку первого этажа. Лифт уже пополз вниз и соотановился на седьмом этаже, двери уже начали закрываться, когда в последний момент в кабину скользнула женская фигура.

Агата подняла глаза — и сердце ухнуло в пятки.

Перед ней стояла та самая девушка из отдела кадров. Идеальная, холёная, с восковым лицом и хищной улыбкой. Двери закрылись, лифт пополз вниз, и они остались вдвоём в зеркальной кабине.

Девушка медленно повернулась к Агате. В её глазах горело такое торжество, что у Агаты перехватило дыхание.

— Ну что, Вершинская, — прошептала она, приблизившись. — Первый день позади. Как ощущения?

Агата молчала, вжавшись спиной в холодную стену.

Девушка наклонилась к самому её уху, и Агата почувствовала запах дорогих духов. Потом она отстранилась, посмотрела прямо в глаза и беззвучно, одними губами, произнесла:

— Молись.

Двери лифта открылись. Девушка выпорхнула в холл, даже не обернувшись.

Агата осталась стоять, прижав руки к груди, так и не выйдя вслед за конкуренткой. В ушах гудело, в глазах потемнело. Одна мысль билась в голове, как птица в клетке:

— Что она задумала?..

Глава 9. Список невыполнимого

POV Agata

Утро началось с того, что Агата влетела в пустующий вестибюль офисного центра за пятнадцать минут до восьми. Охрана на проходной удивлённо подняла брови, но пропустила без вопросов — пропуск, переоформленный на тридцать третий этаж, сработал как надо.

В приёмной было тихо и сумрачно. Солнце ещё не пробилось сквозь плотные тучи, и серый свет едва сочился сквозь панорамные окна. Агата включила настольную лампу, сбросила куртку на спинку стула и первым делом достала телефон.

Сообщение висело в уведомлениях — пришло в семь утра, пока она тряслась в метро. Незнакомый номер, но она уже знала, кто там.

«Тик-так, Вершинская. Время идёт».

Агата стиснула зубы, удалила сообщение и убрала телефон в ящик стола. Сейчас нельзя думать об этом. Сейчас надо работать.

Она разобрала вчерашнюю почту — ту самую гору документов, которую Волин велел отсортировать. К восьми сорока пяти на столе лежали три аккуратные стопки: «На подпись», «На ознакомление», «В архив». Оставалось только внести всё в электронную систему, но этим можно заняться и позже.

Ровно в 8:45 двери лифта открылись, и в коридоре раздались уверенные шаги. Агата вскочила, одёргивая блузку, но Волин даже не взглянул в её сторону. Он прошёл мимо приёмной к двери кабинета, бросив на ходу:

— Зайдите в девять. Кофе, как обычно.

Дверь захлопнулась.

Агата выдохнула. Она так и не поняла, удивился он или нет, что она уже на месте. Судя по всему, для него это было неважно. Главное — результат.

Ровно в девять она постучала, вошла с дымящейся чашкой эспрессо и застала Волина за изучением каких-то графиков.

— Поставьте здесь, — он указал на край стола, даже не поднимая головы. — И приготовьтесь записывать. Сегодня будет много.

Агата села на привычное место, раскрыла блокнот. Ручка замерла над чистой страницей.

— Первое, — Волин оторвался от бумаг и посмотрел на неё в упор. — На сегодня запланировано три встречи. Все материалы должны быть у меня на столе за час до каждой. Адреса, контакты, краткие справки по участникам.

— Да, — кивнула Агата, лихорадочно записывая.

— Второе. Нужно заказать билеты в Санкт-Петербург на следующую неделю. Мне и Петрову. Туда и обратно, бизнес-класс, определённые даты и время. Согласовать с Петровым, он скажет.

— Поняла.

— Третье, — Волин сделал паузу, и Агата почувствовала что-то неладное в его тоне. — Есть одна проблема. Мой старый знакомый, Борис Львович Грановский. Бывший партнёр моего отца, сейчас владеет сетью отелей. Нам крайне важно встретиться с ним, но он уже месяц игнорирует все звонки и письма. Секретарь кормит завтраками. Нужно организовать личную встречу. Любой ценой. Срок — до послезавтра.

Агата замерла с ручкой в руке.

— До послезавтра? — переспросила она, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

— До послезавтра, — подтвердил Волин, и в его взгляде читалось: «Это не обсуждается».

— Вопросы?

— Нет, — выдохнула Агата. — Вопросов нет.

— Тогда свободны. Через два часа доложите о промежуточных результатах по первым двум пунктам. По третьему — как только появится что-то конкретное.

Агата вышла из кабинета на ватных ногах. Список задач в блокноте выглядел как приговор. Встречи, билеты, справки — это она осилит. Но организовать встречу с человеком, который принципиально не идёт на контакт, да ещё за два дня...

Она села за компьютер и первым делом открыла поисковик. «Борис Львович Грановский» — миллион ссылок. Биография, интервью, фотографии с мероприятий. Агата углубилась в изучение.

Через час она знала о нём почти всё. Сын известного архитектора, сам начинал с малого бизнеса в девяностые, потом построил сеть отелей премиум-класса. Дважды женат, трое детей. Увлекается... Агата остановилась на строчке в одном из интервью: «На досуге я коллекционирую редкие книги. Особенно ценю прижизненные издания русских поэтов Серебряного века».

Коллекционирует редкие книги.

В голове что-то щёлкнуло. Агата откинулась на спинку кресла и закрыла глаза, вспоминая. Отец... В лучшие годы, когда у него были рестораны, он часто устраивал литературные вечера. Приглашал писателей, поэтов, критиков. И всегда сотрудничал с одним букинистом — пожилым, вьедливым, но невероятно эрудированным. Кажется, его звали Марк Соломонович. Он поставлял книги для оформления залов и иногда выступал консультантом на этих вечерах.

Агата лихорадочно набрала сообщение отцу: «Пап, ты помнишь букиниста Марка Соломоновича? Он ещё с вами работал на литературных вечерах. У тебя есть его контакт? Очень срочно».

Ответ пришёл через пять минут: «Помню, конечно. Сейчас найду в старой записной книжке. Дам знать».

Агата выдохнула и вернулась к остальным задачам. Билеты в Питер, справки по участникам встреч, документы на подпись. Руки делали своё дело, а мозг то и дело возвращался к Грановскому и букинисту.

К двенадцати часам она доложила Волину о выполнении первых двух пунктов. Он молча кивнул, принимая распечатки, и спросил:

— По Грановскому есть подвижки?

— В процессе, — осторожно ответила Агата. — Я нашла возможный подход. Надеюсь, к вечеру будет результат.

Волин поднял на неё глаза, и в них мелькнуло что-то похожее на интерес.

— Посмотрим, — только и сказал он.

Вернувшись в приёмную, Агата увидела на телефоне уведомление от отца: контакт Марка Соломоновича прилагался. Она тут же набрала номер, молясь, чтобы букинист ответил.

— Алло? — раздался в трубке старческий, но бодрый голос.

— Марк Соломонович? Здравствуйте, меня зовут Агата Вершинская, я дочь Сергея Вершинского, вы с ним работали несколько лет назад в ресторанах...

— Агата! — голос букиниста потеплел. — Помню, помню вашего отца. Славный был человек. Царствие ему небесное!

— Он жив, — сглотнула Агата. — Но не в этом дело. Марк Соломонович, мне очень нужна ваша помощь. Вы знаете Бориса Львовича Грановского? Он коллекционирует редкие книги.

— Знаю, конечно, — усмехнулся букинист. — Он мой постоянный клиент. А что случилось?

— Мне нужно с ним встретиться по работе. Это очень важно. Но он не идёт на контакт, секретари не пропускают. Я подумала, может, вы могли бы порекомендовать меня как-то...

В трубке повисла пауза. Потом Марк Соломонович сказал задумчиво:

— Вообще-то я не занимаюсь организацией встреч, деточка. Но... есть одна проблема. И, возможно, вы могли бы мне помочь.

— Какая проблема? — насторожилась Агата.

— Понимаете, — букинист понизил голос, — есть одно редкое издание, которое Грановский очень хочет приобрести уже год. Прижизненное издание Есенина, с автографом. Владелец — молодой человек, некий Арсений Кольцов. Противный тип, скажу я вам, избалованный мажор, сынок богатых родителей. Но книга у него. Я уже пытался договориться о продаже, но он заломил цену в два раза выше рыночной, а сам Грановский платить столько не готов. И торговаться Кольцов не желает.

Агата слушала, пытаясь понять, к чему он клонит.

— И что я могу сделать?

— Этот Кольцов, — продолжил Марк Соломонович, — падок на красивых женщин. Очень. Если бы к нему пришла симпатичная девушка, а не старый дед, как я, и сказала, что она от меня, что я готов выступить посредником в сделке по более адекватной цене, он бы, возможно, согласился. Просто чтобы перед девушкой покрасоваться, он такое очень любит. А вы, Агата, если я правильно помню ваши детские фотографии, которые мне показывал ваш отец, были очень милым ребёнком. Надеюсь, выросла не менее симпатичная девушка.

Агата почувствовала, как краснеет.

— Марк Соломонович, я... я не знаю...

— Деточка, — перебил букинист. — Я помогу вам с Грановским. Скажу ему, чтобы связался с вами по поводу интересующего его издания. Вы дадите ему контакты Кольцова и скажете, что всё оговорено, цена приемлемая, комиссия по сделке, естественно, моя. А заодно договоритесь о встрече для себя. Но сначала вы должны съездить к этому Кольцову и решить вопрос с ценой. Он живёт в центре, в новых бизнес-апартаментах. Сможете сегодня решить вопрос?

Агата закусила губу. Идея была отвратительной. Идти к какому-то падкому на женщин хлыщу, изображать из себя чёрт знает что, лишь бы он согласился продать книгу... Но другого выхода не было.

— Хорошо, — выдохнула она. — Я попробую. Скиньте мне адрес и его номер.

— Умница, — довольно сказал букинист. — Держите меня в курсе.

До обеда оставалось полтора часа, Агата решила именно в это время пойти к Кольцову, так как оказалось, что скинутый Марком Соломоновичем адрес — это соседняя высотка, последние этажи которой частные апартаменты для жилья. Она лихорадочно доделывала текущие задачи, то и дело поглядывая на часы. В голове крутилась одна мысль: как ей выглядеть достаточно... убедительно для этого Кольцова? В её серой униформе незаметности, в очках и с пучком она похожа на жалкую ботаничку, а не на девушку, перед которой хочется красоваться.

В 13:30 дня она отправила Волину письмо, что уходит на обед (он был на встрече) и спустилась в туалет на первом этаже. Посмотрела на себя в зеркало. Та же серая мышь: очки, пучок, блузка, застегнутая на все пуговицы.

— Ну уж нет, — прошептала она. — Ради дела можно и поступиться принципами.

Она сняла очки и убрала в футляр. Распустила волосы — они упали на плечи густой русой волной. Расстегнула верхние две пуговицы на блузке, обнажив ключицы и намёк на декольте. Поправила воротник. Посмотрела на себя ещё раз.

Из зеркала на неё смотрела красивая девушка. Уставшая, загнанная, но красивая.

— Сойдёт, — решила Агата. — Он же не на конкурс красоты меня приглашает.

Она вышла из офиса и быстрым шагом направилась к соседней высотке, идти было действительно близко, минут десять.

Апартаменты Кольцова находились на 73 этаже. Дверь открыл молодой человек лет двадцати пяти, смазливый, с масляным взглядом и самоуверенной улыбкой. Он окинул Агату взглядом, задержался на расстёгнутой блузке, и улыбка стала шире.

— Вы, наверное, от Марка Соломоновича? Он звонил. — спросил он, облизнувшись. — Проходите.

Агата шагнула внутрь, стараясь не вдыхать запах дорогого парфюма, которым от него разило за версту. Квартира была стерильно-модной, безликой, как в глянцевого журнала.

— Проходите, присаживайтесь, — Кольцов указал на диван, а сам сел в кресло напротив, развалившись и не сводя с неё глаз. — Марк Соломонович сказал, вы хотите обсудить сделку по Есенину?

— Да, — Агата села на край дивана, стараясь держать спину прямо. — Я представляю интересы покупателя. Марк Соломонович просил передать, что цена, которую вы назвали, завышена. Рыночная стоимость этого издания — миллион двести, а вы просите два с половиной.

Кольцов усмехнулся, поигрывая ключами от машины.

— Рыночная стоимость, милая, это для лохов. А у меня — эксклюзив. Таких книг больше нет в свободной продаже. Хотите — берите, не хотите — как хотите.

Агата стиснула зубы, но заставила себя улыбнуться.

— Арсений, — сказала она мягко, — Марк Соломонович очень просил найти компромисс. Он говорит, что вы — человек разумный и понимаете, что долго ждать такого покупателя, как Борис Львович, не придётся. А он готов купить сегодня, прямо сейчас, если цена будет адекватной.

Кольцов смотрел на неё, и его взгляд скользил по вырезу блузки. Агата внутренне содрогалась, но продолжала улыбаться.

— А вы, значит, его посредник? — протянул он. — Красивый посредник. Может, поужинаем сегодня, обсудим детали в неформальной обстановке?

— Я только посредник, — Агата покачала головой. — И у меня очень плотный график. Давайте просто договоримся по цене, и я передам Борису Львовичу, что всё в порядке.

Кольцов задумался, поигрывая ключами. Потом махнул рукой.

— Ладно, уговорили. Для такой красивой девушки — миллион восемьсот. Это моё последнее слово. И только потому, что вы лично пришли.

Агата мысленно выдохнула. Миллион восемьсот — это уже ближе к реальности. Грановский, скорее всего, согласится.

— Хорошо, — кивнула она. — Я передам. Марк Соломонович свяжется с вами для оформления.

Она встала, поправила юбку и направилась к выходу. Кольцов поднялся следом, слишком близко подошёл, буквально дыша в затылок.

— Заходите ещё, — сказал он с намёком. — Я всегда рад красивым женщинам.

Агата выскользнула за дверь, не оборачиваясь. Только в лифте позволила себе закрыть глаза и выдохнуть, сама не поверила, что все получилось быстро и как надо.

В офис она вернулась за пять минут до конца обеда. В туалете снова привела себя в порядок — застегнула пуговицы, убрала волосы в пучок, надела очки. Серая мышь вернулась на место.

Она набрала Марка Соломоновича.

— Всё получилось, — сказала она устало. — Миллион восемьсот. Он согласен.

— Умница, деточка, это, конечно, больше, чем хотелось, но Борис будет доволен — счастливо ответил букинист. — Ждите звонка от Грановского.

Звонок раздался через полчаса.

— Вершинская Агата? — спросил уверенный мужской голос. — С вами говорит Борис Львович Грановский. Марк Соломонович сказал, вы можете помочь с книгой?

Агата мысленно поблагодарила букиниста и начала говорить. Она объяснила, что представляет интересы Александра Волина, что речь идёт о важной деловой встрече, и что он готов приехать в любое удобное для него время. И добавила, что вопрос с книгой практически решён, цена согласована, и Марк Соломонович свяжется с ним для оформления сделки.

Грановский слушал молча, потом хмыкнул:

— Хитро придумано. Через книги заходить, да ещё и проблему с Кольцовым решили. Что ж, ценю изобретательность. Передайте Волину, что я согласен на встречу. Завтра в одиннадцать утра, у меня в офисе.

Агата положила трубку и несколько секунд сидела, боясь дышать. Получилось. Невероятно, но получилось.

Она зашла в кабинет Волина, стараясь ступать ровно, хотя колени дрожали.

— Александр Сергеевич, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Встреча с Грановским назначена на завтра, на одиннадцать утра, в его офисе.

Волин медленно поднял голову от бумаг. В его глазах мелькнуло что-то — удивление? Недоверие? — но лицо осталось непроницаемым.

— Каким образом? — спросил он коротко.

— Через его хобби, — Агата не стала вдаваться в подробности. — Удалось найти подход.

Волин смотрел на неё ещё несколько секунд, потом кивнул.

— Хорошо. Завтра в одиннадцать. Подготовьте все материалы к встрече и положите мне на стол сегодня к вечеру. Утром в офисе не ждите.

Он снова уткнулся в бумаги, и Агата вышла.

День пролетел незаметно. Агата разбирала документы, отвечала на звонки, готовила справки. К шести вечера она чувствовала себя выжатой как лимон, но довольной — все задачи были выполнены.

Она собрала сумку, выключила компьютер, накинула куртку и уже собралась уходить, когда заметила, что монитор снова загорелся и тут же потух. Странно. Она же выключила...

Агата нажала кнопку включения — монитор не реагировал. Она нажала ещё раз, потом ещё. Экран оставался чёрным.

— Что за... — прошептала она, пытаясь перезагрузить системный блок.

Блок гудел, вентиляторы работали, но монитор не подавал признаков жизни. Агата нажала кнопку на мониторе ещё несколько раз — ничего. Она проверила провода, перезагрузила всё снова — ноль реакции.

Сердце ухнуло в пятки. Она лихорадочно набрала номер системного администратора, но он уже ушёл и не брал трубку. Тогда она бросилась к компьютеру, пытаясь понять, что случилось.

И тут она заметила. На задней стенке монитора, в разъёме для кабеля, ведущего к системному блоку, торчал какой-то посторонний предмет. Маленький, пластиковый, похожий на обломок зубочистки. Кто-то специально заблокировал соединение.

Агата похолодела. В голове всплыло вчерашнее лицо в лифте, хищная улыбка и беззвучное «Молись». И то, как перед тем, как одеться и уйти, она выбежала в туалет, не закрыв приемную. «Вот дура!» — пронеслось в голове.

— Ну уж нет, — процедила она сквозь зубы.

Она вытащила зубочистку, подключила кабель нормально, и монитор загорелся. Рабочий стол порадовал заставкой. Агата вздохнула с облегчением, но радость была недолгой.

Она открыла папку с документами — и замерла. Все файлы, которые она создала за день, исчезли. Отчёты, справки, таблицы — всё было пусто. Кто-то успел зайти в систему и удалил всё.

Агата закрыла глаза, чувствуя, как к горлу подступает паника. Завтра в двенадцать дня все задания, которые Волин дал после обеда, должны быть у него на столе. Если она не восстановит их, он уволит её без разговоров. А если она не справится с испытательным сроком — долг, коллекторы, отец...

— Нет, — сказала она вслух. — Нет. Я не позволю тебе победить.

Она открыла почту — письма с вложениями, которые она отправляла себе, тоже были удалены. Но оставалась надежда на автосохранения в системе и на кэш программ.

Агата посмотрела на часы. 18:30. Впереди целая ночь.

Она сняла куртку, села за компьютер и начала восстанавливать всё с нуля. Пальцы летали по клавиатуре, глаза слипались, но она не позволяла себе остановиться. Где-то в глубине души горела злость — на эту холёную стерву, на Кольцова с его масляным взглядом, на всю несправедливость мира.

В одиннадцать часов вечера она закончила. Все файлы были восстановлены, отчёты перепроверены, справки перепечатаны. Агата откинулась на спинку кресла и позволила себе минутку слабости — закрыла глаза и просто сидела, чувствуя, как дрожат руки.

Потом встала, налила себе воды из кулера и посмотрела в окно. Город начинал готовиться ко сну, мерцая миллионами огней. Где-то там, в этой темноте, живут её враги. И завтра эти враг нанесут новый удар.

— Я готова, — прошептала Агата. — Бейте.

Утром она пришла в офис к восьми, разложила все материалы на столе Волина. На почте уже был список заданий, присланных начальником, которые нужно было выполнить за день. Агата сосредоточилась на работе, но какой-то неясный зуд на периферии сознания не давал ей погрузиться с головой в работу, она волновалась, что после вчерашнего сбоя могла что-то упустить. Ждать оставалось недолго.

Ужу в десятом часу в приёмную влетел разъярённый Волин. Он даже не взглянул на неё, просто прошагал в кабинет, практически рыкнув, захлопывая дверь кабинета:

— Ко мне, живо!

Агата вошла на негнущихся ногах, стараясь держать спину прямо. Волин стоял у окна, спиной к ней, и когда обернулся — его лицо было ледяным.

— Вершинская, — процедил он. — Из-за вас я опоздал на встречу, которая была назначена на девять утра. Мне не пришло вчера вечером уведомление в календаре в системе. Объясните, почему вы не внесли эту встречу в календарь?!

Агата замерла.

— Простите, — вырвалось у неё. — Встреча была назначена на девять. Я всё внесла в систему позавчера днём. Я проверяла.

— Проверяли? — Волин шагнул к ней, и от его близости перехватило дыхание. — Тогда почему в моём календаре этого нет? Почему у меня свободное окно?

Агата смотрела на него и чувствовала, как земля уходит из-под ног. Кто-то не просто сломал компьютер и удалил файлы. Кто-то залез в систему и стёр уведомление из календаря самого Волина. А это значит... это значит, что у неё есть доступ к системе не только на уровне простого сотрудника.

— Александр Сергеевич, — сказала она, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Я не знаю, что произошло. Я всё внесла. Но... возможно, кто-то изменил данные, так как вчера вечером после вашего ухода, я обнаружила, что все данные за день были стерты, даже в кэше ничего не осталось. Можете посмотреть камеру в приемной, я сидела до одиннадцати вечера и восстанавливала всё, что было сделано за день.

— Кто-то? — Волин прищурился. — Я все проверю, и если вы мне наврали, то лучше сразу собирайте вещи и уходите! Свободны! — Агата развернулась чтобы уйти, но не успев сделать шаг, услышала за спиной. — Хотя постоит У вас есть версии, кто мог влезть в систему?

Агата обернулась и, колеблясь секунду, ответила. Сказать про ту девушку — значит ввязаться в войну, которую она может проиграть. Не сказать — значит взять на себя вину.

— Есть, — выдохнула она. — Но пока без доказательств.

Волин смотрел на неё долго, очень долго. Потом вдруг кивнул.

— Хорошо. Я проверю вашу версию событий. А вы... — он сделал паузу. — Вы остаётесь. Пока.

Он отвернулся к окну, давая понять, что разговор окончен.

Агата вышла из кабинета, прислонилась к стене в приёмной и закрыла глаза. Сердце колотилось так, что, казалось, разорвёт грудную клетку.

Она выжила. Сегодня.

Но что будет завтра?

Глава 10. Тайные знания

POV Волин

Дверь за Агатой закрылась, и Волин несколько секунд смотрел на неё, будто пытаясь разглядеть сквозь дерево. Потом резко развернулся к компьютеру и набрал внутренний номер технического отдела.

— Начальник отдела Головин, — раздалось в трубке после второго гудка.

— Это Волин. Проверьте логи системы за вчерашний день. Меня интересует календарь и файлы, к которым был доступ с компьютера в приёмной. Нужно понять, были ли удаления и с какого аккаунта.

— Сделаем, Александр Сергеевич. Минуту.

Волин барабанил пальцами по столу, глядя в окно. За стеклом плыли серые тучи, моросил дождь — обычный ноябрьский день, ничего особенного. Но внутри закипало раздражение. Он ненавидел, когда что-то шло не по плану. Ненавидел, когда его время тратили впустую. А сегодня утром он потерял час из-за того, что какая-то идиотка не внесла встречу в календарь.

Или не идиотка? Агата выглядела искренне испуганной, когда говорила, что вносила. И про вчерашний вечер, про восстановление данных... Если это правда, значит, кто-то целенаправленно вредит ей. А значит, и ему.

— Александр Сергеевич, — вернулся в трубку голос Головина. — Я посмотрел. Сбоев в системе не было. Удаления производились вручную вчера в районе 18:20. С вашего компьютера в приёмной.

— С моего? — Волин прищурился. — То есть с компьютера Вершинской?

— Да. Аккаунт Вершинской Агаты. Удалено около тридцати файлов, потом система перезагружалась, потом снова работала. А в 18:22 был вход в календарь с удалением двух событий.

Волин помолчал, переваривая информацию.

— А доступ к камерам в приёмной у вас есть?

— Только у службы безопасности.

— Хорошо. Сбросьте мне логи на почту.

Он положил трубку и набрал другой номер — начальника службы безопасности.

— Слушаю, — раздался спокойный голос Коршунова.

— Игорь, поднимись ко мне. Срочно.

Через пять минут Коршунов, коренастый мужчина с цепким взглядом, стоял в кабинете Волина. В руках он держал планшет.

— Что случилось, Александр Сергеевич?

— Нужно посмотреть записи с камер в приёмной за вчерашний день. Примерно с шести до половины седьмого вечера. Кто заходил, что делал.

Коршунов быстро пробежался пальцами по экрану, вызвал нужный файл и развернул планшет к Волину.

— Вот, смотрите.

Волин взгляделся в запись. Вот Агата сидит за столом, работает. Вот она встаёт, берёт сумку и выходит — судя по времени, в туалет. Дверь в приёмную остаётся приоткрытой.

Через минуту в кадре появляется женская фигура. Высокая, холёная, с идеальной укладкой и походкой от бедра. Она оглядывается, скользит к столу Агаты, садится за компьютер. Пальцы быстро бегают по клавиатуре, она что-то делает, периодически поглядывая на дверь. Потом наклоняется, возится с проводами за монитором, встаёт и также быстро исчезает.

Ещё через пару минут возвращается Агата, садится за компьютер, и по её лицу видно — что-то не так.

— Стоп, — сказал Волин. — Эту женщину можно идентифицировать?

Коршунов увеличил изображение, но лицо было видно не очень чётко.

— Нужно прогнать через базу. Но, судя по одежде и манерам, это кто-то из своих, не случайная. Может, сотрудница.

— Найди её, — приказал Волин. — Кто она, на кого работает, зачем это сделала. И быстро.

— Сделаем.

Коршунов вышел, а Волин откинулся на спинку кресла. Значит, Агата не врала. Кто-то действительно влез в её компьютер, удалил файлы, испортил календарь. Вопрос — зачем? Кому могла помешать серая мышка из «подвала»?

Или не такая уж серая?

Он посмотрел на часы. 10:10. Через пятнадцать минут ему выезжать к Грановскому — та самая встреча, которую Агата чудом организовала вчера. Если бы не она, этого разговора могло не быть вообще. А сделка с Грановским сулила холдингу многомиллионные контракты.

— Ладно, — пробормотал он себе под нос. — С этим разберёмся позже.

Он вышел из кабинета, бросил Агате на ходу: «Я к Грановскому, буду после обеда» — и скрылся в лифте.

Вернулся он около часа дня, довольный — встреча прошла успешно. Грановский, несмотря на былые обиды, оказался сговорчив и даже поблагодарил за «оригинальный подход через книги». Волин не стал уточнять, что за подход, но про себя отметил: Агата явно умеет находить нестандартные решения.

В приёмной было тихо. Агата сидела за компьютером, сосредоточенно вглядываясь в монитор. Увидев его, вскочила:

— Александр Сергеевич, как прошло?

— Нормально, — коротко ответил он, проходя в кабинет. — Кофе принесите.

Через минуту она вошла с чашкой, поставила на край стола и уже собралась уходить, когда Волин остановил её:

— Подождите. Садитесь.

Она послушно опустилась на стул, глядя на него с напряжением.

— Я проверил камеры, — сказал он. — Вчера вечером, пока вас не было, в приёмную заходила женщина. Рылась в вашем компьютере. Вы знаете, кто это?

Агата вздрогнула. В глазах мелькнул страх — и тут же сменился усталостью.

— Знаю, — тихо сказала она. — Это одна из сотрудниц отдела кадров. Она... у неё есть причины меня не любить.

— Какие причины?

Агата помолчала, потом ответила, тщательно подбирая слова:

— Она хотела это место. Очень хотела. А я его получила случайно. Она считает, что я перешла ей дорогу.

Волин прищурился.

— И поэтому она ломает ваш компьютер и удаляет файлы? Детский сад.

— Она дочь одного из ваших партнёров, — добавила Агата. — Кажется, считает, что ей всё сойдёт с рук.

Волин усмехнулся. Дочка партнёра. Ясно. Таких «принцесс» он видел сотни — уверенных, что папино имя откроет любые двери.

— Хорошо, — сказал он. — Я разберусь. Идите работайте.

Агата вышла, а Волин задумался. Странная она всё-таки. Не жалуется, не просит защиты, не пытается использовать ситуацию. Просто работает. И работает, надо признать, отлично.

После обеда день пошёл своим чередом. Волин подписывал документы, проводил встречи, отвечал на письма. Агата работала в приёмной, приносила кофе, докладывала о звон-

ках. Обычная рутина, если не считать того, что он то и дело ловил себя на мысли, что прислушивается к звукам за дверью.

В четыре часа пришло письмо от испанских партнёров. Волин открыл — и чертыхнулся.

Договор на испанском. Как всегда, они даже не потрудились сделать английскую версию. А ему нужно было подписать его сегодня, чтобы завтра отправить курьером.

Он набрал номер отдела международных отношений.

— Слушаю, — ответила начальница отдела, Маргарита Семёновна.

— Маргарита, нужен срочный перевод договора с испанского. Когда сделаете?

— Александр Сергеевич, — замялась она. — У нас проблема. Наш испаноговорящий переводчик, Сергей, вчера попал в больницу с аппендицитом. На связь пока не может выйти по понятным причинам. Мы пытались найти замену, но в штате больше никого с испанским, а внешние переводчики сейчас все заняты, минимум завтра к вечеру.

— Завтра к вечеру меня не устраивает. — Волин старался сдерживаться, но голос всё равно зазвучал жёстче. — Мне нужно сегодня.

— Я понимаю, но... ничем не могу помочь. Может, через онлайн-переводчик?

Волин сжал зубы. Он ненавидел онлайн-переводчики — они коверкали юридические термины, и формулировки становились туманными.

— Хорошо, — бросил он и положил трубку.

Минуту он сидел, глядя на монитор. Потом нажал кнопку селектора.

— Вершинская, зайдите.

Она вошла быстро, будто ждала вызова.

— Слушаю, Александр Сергеевич.

— У нас проблема, — он указал на экран. — Испанские партнёры прислали договор на родном языке. Наш переводчик в больнице. Нужно найти кого-то, кто сможет перевести грамотно, с юридической точностью. У вас талант решать каверзы. Может, в интернете найдёте бюро переводов, которое возьмётся срочно? Время на поиск — полчаса максимум.

Агата подошла ближе, взглядела в монитор. Волин заметил, как её глаза быстро пробежали по тексту, и вдруг она застыла.

— Что? — спросил он.

— Ничего, — слишком быстро ответила она. — Я попробую найти.

— Пробуйте.

Она уже развернулась, чтобы уйти, когда Волин добавил:

— Да, и захватите распечатку, чтобы было перед глазами.

— Хорошо.

Но вдруг, будто машинально, начала читать вслух:

— «El presente Contrato de Cooperación (en adelante, el "Contrato") se celebra entre...» — она запнулась, потом продолжила уже на русском: — Настоящий Договор о сотрудничестве (далее — «Договор») заключён между... — и снова перешла на испанский, но уже переводя.

Волин замер.

Агата читала дальше, бегло, уверенно, профессионально. Она не просто переводила слова — она сохраняла юридическую точность, деловой тон, все формальности. Минута, две, три... Она дошла до середины первого раздела, когда Волин поднял руку, останавливая её.

— Стоп, — сказал он тихо. — Вершинская. Вы знаете испанский?

Она отвела взгляд, но он успел увидеть, как в её глазах мелькнула паника. Ровно на секунду — и исчезла.

— Немного, — выдохнула она, отводя взгляд. — В школе учила. Ну и потом... иногда переводила для себя.

— В школе? — Волин прищурился. — Школьного испанского недостаточно, чтобы переводить юридические документы с сохранением терминологии.

— Мне повезло с учителем, — она попыталась улыбнуться, но улыбка вышла натянутой. — И потом, я же не всё перевела, только начало. Наверное, дальше ошибок будет много.

Волин молчал, сверля её взглядом. Она смотрела куда-то в сторону, пальцы нервно теребили край блузки. Врёт, понял он. Определённо врёт. Но зачем?

— Хорошо, — сказал он наконец. — Садитесь и переведите весь договор. Прямо сейчас. Вслух, я буду записывать важное.

— Но... — начала она.

— Садитесь, — повторил он жёстко.

Агата села на стул напротив, взяла листы договора, глубоко вздохнула и начала переводить. Чётко, грамотно, без запинок. Она не просто знала язык — она владела им в совершенстве, чувствовалось университетское образование, практика, возможно, даже специализация.

Волин слушал и всё больше мрачнел. Когда она закончила последний пункт, в кабинете повисла тишина.

— Вы знаете испанский, — сказал он не вопросом, а утверждением. — Не «немного», а отлично.

Агата молчала, глядя в стол.

— Вершинская, — голос Волина стал ледяным. — Я ненавижу, когда мне врут. Вы устроились оператором ввода данных, скрывая знания языков. Почему?

Она подняла на него глаза. В них была усталость, страх и какая-то обречённость.

— Это долгая история, — тихо сказала она.

— А мы никуда не спешим.

— Александр Сергеевич, — она сглотнула. — Я не хотела никого обманывать. Просто... были причины. Личные. Очень личные.

Она замолчала, и Волин понял — больше она не скажет. По крайней мере, сейчас.

Он смотрел на неё и чувствовал, как внутри закипает странное чувство — смесь раздражения, любопытства и чего-то ещё, чему он не мог подобрать названия.

Она знает испанский. Возможно, и другие языки. Она справилась с невыполнимыми задачами за считанные дни. Она умеет анализировать, работать с информацией, находить нестандартные подходы. Не юлит. И при этом прячется в подвале, вбивая данные.

Кто она такая на самом деле?

И главное — зачем она здесь?

— Ладно, — сказал он, смягчая тон. — Идите работайте. Договор распечатайте еще раз и положите мне на подпись.

Она встала, направилась к двери, но на пороге остановилась.

— Спасибо, — тихо сказала она, не оборачиваясь. — За то, что не уволили сразу.

И вышла.

Волин смотрел на закрытую дверь. В голове крутилась только одна мысль, от которой становилось не по себе:

«А если она здесь не случайно? Если всё это — хорошо спланированная игра?»

Он вспомнил её испуганные глаза, когда она переводила. Вспомнил, как ловко она организовала встречу с Грановским. Вспомнил девицу, которая рылась в её компьютере.

Слишком много странностей для одной серой мыши.

— Посмотрим, — прошептал он, глядя на своё отражение в стекле. — Посмотрим, что ты скрываешь, Вершинская.

За окном моросил дождь, и ноябрьский день медленно клонился к вечеру. А впереди была новая встреча, новые задачи и эта странная девушка, которая с каждым днём становилась всё более загадочной.

Глава 11. Расследование

POV Волин

Дверь за Агатой закрылась, а Волин всё смотрел на неё, будто пытался разглядеть сквозь дверное полотно. Потом резко развернулся к компьютеру и набрал внутренний номер начальника службы безопасности.

— Игорь, зайти, есть еще одно задание.

Коршунов появился через несколько минут. Он был не просто начальником службы безопасности холдинга, но и помогал Волину в личных вопросах, если было необходимо, благо обширные связи Коршунова позволяли доставать информацию практически молниеносно.

— Слушаю, Александр Сергеевич.

— Помнишь, я просил найти ту женщину с камер?

— Да, мы её идентифицировали. Виктория Келецкая, отдел кадров, должность хантер. Работает около полугода. Ничем особо не отличилась, за полгода не нашла ни одного стоящего сотрудника — только рядовых клерков, которые и без неё сами приходят.

Волин усмехнулся. «Принцесса» пристроилась греться на папиных контрактах.

— А кто её папа?

— Виктор Келецкий, владелец клининговой компании «Чистый мир». У нас с ними договор на уборку офисов. Партнёром его назвать можно с натяжкой, скорее подрядчик, но контракт многолетний и довольно выгодный для них.

— Ясно, — Волин кивнул. — Это не всё. Мне нужно полное досье на Вершинскую Агату. Всё, что можно найти. Образование, родственники, связи, обязательства, прошлое. Максимально подробно. В личное дело не смотри, там пусто.

Коршунов удивлённо поднял бровь, но вопросов задавать не стал — знал, что Волин не любит, когда сомневаются в его распоряжениях.

— Сделаем. Когда нужно?

— К понедельнику утром. И чтобы никаких утечек.

— Понял.

Коршунов вышел, а Волин откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. За окном моросил дождь, ноябрьский день клонился к вечеру, а в голове крутилась одна и та же мысль: «Кто ты такая, Вершинская?»

Она знает испанский в совершенстве. Она за несколько часов делает то, на что другие тратят дни. Она умеет находить подход к людям, организовывать встречи, работать с информацией. И при этом пряталась в опен-спейсе, за работой, не требующей особых знаний и навыков.

Такое не бывает случайно. Либо она что-то скрывает, либо... либо у неё действительно были причины сбежать от нормальной жизни.

Вспомнились её глаза, когда она переводила договор. Испуганные, затравленные, но в то же время с какой-то внутренней силой. Такие глаза бывают у людей, которые прошли через ад и выжили.

— Ладно, — пробормотал он, открывая глаза. — До понедельника подождём.

Он вернулся к работе, но мысли то и дело возвращались к этой странной девушке.

Понедельник начался с того, что Коршунов вошёл в кабинет ровно в девять утра и положил на стол пухлую папку.

— Здесь всё, Александр Сергеевич. Как просили.

Волин кивнул, и Коршунов вышел.

Папка была тяжёлой. Волин открыл её и начал читать.

Первые страницы — биография. Агата Сергеевна Вершинская, двадцать четыре года. Родилась в Москве. Отец — Сергей Вершинский, бывший ресторатор, владелец двух рестора-

нов в центре, обанкротился шесть лет назад. Мать — Елена Вершинская, ушла из семьи после краха мужа, сейчас живёт с другим обеспеченным мужчиной, с дочерью не общается.

Дальше — учёба. Школа с углублённым изучением иностранных языков, золотая медаль. МГИМО, международно-правовой факультет, бюджет, красный диплом. В характеристиках — отличница, способности к языкам, перспективная студентка. Английский, испанский, немецкий, турецкий, китайский — все на уровне носителя или близко к тому.

Волин присвистнул. Пять языков. Красный диплом МГИМО. И это та самая девушка, которую он подобрал с пола?

После шли примечания службы безопасности. По окончании университета Агата не пошла работать по специальности. Устроилась оператором ввода данных в дочернюю структуру холдинга по протекции Екатерины Ремизовой (помощница акционера «Вертикали»). Причина — предположительно, семейные обстоятельства: отец к тому времени уже спился, на нём висели долги, коллекторы, суды. Видимо, девушка просто не потянула морально, сломалась под грузом проблем.

Волин перевернул страницу и увидел фотографию — старая, с выпускного: ленточка выпускника, счастливая улыбка, распущенные волосы, никаких очков. Красивая. Очень красивая.

Он поймал себя на мысли, что засмотрелся, и разозлился. Не время.

Дальше — информация о долгах. Отец задолжал кредиторам и инвесторам несколько десятков миллионов. Весь долг он погасил продав имущество (рестораны, машины, квартиру в центре, атрибуты роскошной жизни в виде коллекции вина, картин, антиквариата), но за время запоев успел взять несколько микрозаймов на пятьсот тысяч. Проценты росли — пятьсот тысяч превратились в несколько миллионов, так как долг гасился только с зарплаты Агаты, чего не хватало, случайные заработки отца уходили на выпивку. Недавний инцидент — избивание должника, угрозы в адрес дочери. Агата пытается продать квартиру отца, но пока безуспешно.

— Вот же ж..., — выдохнул Волин вслух.

Он отложил папку и подошёл к окну. За стеклом плыли серые тучи, внизу суежилась столица. А перед глазами стояла другая картина — он сам девятнадцать лет назад.

Тогда тоже рухнул мир. Отец умер внезапно, от сердца, оставив долги и недоделанные дела. Волин слетел с катушек — пьянки, гулянки, бессмысленные эженицины, попытки забыться. Он помнил тот период как в тумане: чужие квартиры, которые больше походили на притоны, разбитые бутылки, пустые глаза в зеркале. Если бы не дядя, который приехал, встряхнул, заставил взяться за ум... кто знает, где бы он сейчас был.

Дядя тогда сказал: «Ты можешь упасть на самое дно, Саша. Но ты должен подняться. Не ради себя — ради памяти отца. Ради того, что он в тебя вложил».

И он поднялся. С трудом, с болью, но поднялся.

А сейчас перед ним другая история. Девушка, которая тоже упала. Которая могла бы блистать, делать карьеру, но сломалась под грузом проблем и спряталась за образом никчемности, чтобы выжить. И при этом не озлобилась, не стала хищницей, не пыталась использовать людей. Просто работала, тащила на себе отца, боролась с долгами.

И когда судьба дала ей шанс — она вцепилась в него зубами и вытянула невыполнимые задачи.

— Надо помочь, — сказал он себе. — Как когда-то дядя помог мне.

Он вернулся к столу и набрал номер начальника административно-хозяйственного отдела.

— Слушаю, Александр Сергеевич.

— У нас договор с клининговой компанией «Чистый мир»?

— Да, на уборку офисов. На пять лет, с автоматической пролонгацией.

— Пересмотрите его. Найдите любую зацепку, чтобы пригрозить разрывом. Свяжитесь с ними и скажите, что у нас серьёзные претензии. Если они не решат вопрос с персоналом, договор будет расторгнут. И пусть знают: вопрос касается их дочери, которая работает у нас в кадрах и занимается вредительством.

— Понял, сделаем.

Волин положил трубку и набрал следующий номер — начальницы отдела кадров.

— Наталья Егоровна? Волин. Зайдите ко мне.

Через пять минут она стояла перед ним, нервно теребя бейджик.

— Александр Сергеевич, слушаю.

— У вас работает хантер Кольцова Виктория.

— Да, — женщина побледнела. — Есть такая.

— Уволить её сегодня же. Причина — вредительство, создание помех работе сотрудника, умышленное удаление данных с рабочего компьютера, что привело к срыву важной встречи. Я подготовлю официальную бумагу от себя. Если она будет сопротивляться, подключите охрану.

— Но... — начала Наталья Егоровна. — Она же дочь...

— Мне плевать, чья она дочь, — оборвал Волин. — Её выходы чуть не стоили компании нескольких десятков миллионов. Если бы Вершинская не восстановила файлы и не организовала встречу с заново, мы бы потеряли контракт. Вы понимаете это?

— Да, — выдохнула начальница. — Я всё сделаю.

— Свободны.

Она вышла, а Волин откинулся на спинку кресла. С коллекторами, конечно, так быстро не разобраться. Долг висит на отце и на Агате как поручительнице. Но это уже следующий шаг. Для начала нужно убрать угрозу изнутри, дать девушке возможность работать спокойно.

Он посмотрел на часы. Половина двенадцатого. Агата сидела в приёмной, занималась документами. Волин встал, решив, что пора поговорить с ней. Рассказать, что он знает. Узнать, почему она скрывала образование. Может, даже предложить помощь — в конце концов, он умеет быть благодарным, когда люди работают на совесть.

Он открыл дверь кабинета и шагнул в приёмную.

И замер.

Агата сидела за столом, уткнувшись в телефон. Лицо её было мертвенно-бледным, губы дрожали, а по щекам текли слёзы. Она даже не заметила его появления — смотрела на экран так, будто там было что-то страшное.

Волин сделал шаг вперёд, и в этот момент Агата подняла глаза. В них было столько боли и отчаяния, что у него перехватило дыхание.

— Что случилось? — спросил он, сам не узнавая свой голос.

Агата вздрогнула, будто только сейчас заметила его. Быстро вытерла слёзы рукавом, убрала телефон в ящик стола.

— Ничего, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Всё нормально. Личное.

Волин смотрел на неё, и внутри закипало раздражение. Она явно врала. Но что он мог сделать? Вломиться в её личную жизнь, требовать объяснений? Она не обязана ему отчитываться.

— Хорошо, — сказал он после паузы. — Тогда... у меня для вас будет одно задание. Но о нём позже, зайдите через 15 минут ко мне в кабинет.

Агата отстраненно посмотрела на него и кивнула:

— Хорошо, Александр Сергеевич.

Волин развернулся и ушёл обратно в кабинет. Сел в кресло, уставился в монитор, но мысли были не о работе. Он вспомнил её заплаканные глаза, этот отчаянный жест, когда она прятала телефон. Что там могло быть? Опять отец? Или что-то ещё хуже?

Он достал телефон, набрал Коршунова:

— Игорь, ещё один вопрос. По Вершинской. Если будет что-то новое за последние дни, сразу звони, присмотрите за ней.

— Хорошо, Александр Сергеевич.

— И подскажи. У нас есть контакты коллекторского агентства, которое работает с долгом её отца?

— Найдём.

— Хорошо. Мне нужно знать всё.

Он положил трубку и откинулся на спинку кресла. Помочь деньгами — слишком прямо, слишком... подозрительно. Но если удастся договориться с коллекторами, выкупить долг, дать ей возможность работать спокойно... Это будет правильно. Это будет справедливо.

В конце концов, она заслужила.

За окном моросил дождь, ноябрьский день тянулся бесконечно. А в приёмной, за стеной, сидела девушка, которая снова плакала, но продолжала работать. И Волин вдруг поймал себя на мысли, что ему не всё равно, и он хочет чем-то порадовать ее как можно скорее, но не навязчиво.

— Ладно, — сказал он себе. — Посмотрим.

Глава 12. Кредит доверия

POV Agata

Утро понедельника встретило её серым небом и привычной усталостью после выходных, которые выдались совсем не отдыхом.

Агата вошла в лифт, нажала кнопку тридцать третьего этажа и прислонилась к холодной стене, проваливаясь в воспоминания. Суббота началась с того, что позвонил отец. Вернее, не позвонил — она сама набрала его, чтобы предупредить о визите потенциальных покупателей, и услышала в трубке знакомое заплетающееся «Агата дочка». Сердце ухнуло в пятки.

Она примчалась к нему через час, и то, что увидела, заставило её замереть на пороге. Квартира снова превратилась в притон. Пустые бутылки, окурки, грязная посуда, разбросанная одежда. Отец сидел на кухне в трусах и майке, уронив голову на стол, и храпел.

— Пап! — закричала она, тряся его за плечо. — Папа, проснись! Сегодня придут покупатели!

Он промычал что-то невнятное, даже не открывая глаз. Агата поняла: придётся всё делать самой.

Она выгребла мусор, вымыла посуду, проветрила комнаты, застирала пятна на полу. Руки горели, спина ныла, но она не позволяла себе остановиться. К пяти вечера квартира более-менее приобрела жилой вид, а отец, приняв холодный душ и выпив рассолу, стал похож на человека.

Ровно в шесть пришла Марина Сергеевна с двумя покупателями.

Первая — молодая женщина лет двадцати пяти, с неприятным, цепким взглядом. Она ходила по квартире, заглядывала в углы, брезгливо кривилась и то и дело спрашивала про соседей, про трубы, про крышу. «Это же материнский капитал, — пояснила она, будто оправдываясь. — Я должна быть уверена, что вкладываю не в помойку». Агата кивала, сглатывая обиду, так как в оценочных выражениях женщина не стесняла ни себя, ни других.

Второй покупатель оказался мужчиной средних лет, с лысиной и большим животом, который так и лез из-под дешёвого пиджака. Он прошёлся по комнатам, но взгляд его почему-то всё время возвращался к Агате. Сальные глазки скользили по фигуре, задерживаясь на таких местах, что хотелось прикрыться руками.

— А это кто? — спросил он Марину Сергеевну, кивая на Агату.

— Дочь хозяина, — ответила та.

— Дочь, значит, — протянул он, улыбаясь. — А сама где живёте, девушка?

— В другом месте, — сухо ответила Агата.

Он хмыкнул, но больше вопросов не задавал. Только смотрел. И смотрел.

В итоге оба покупателя ушли со словами «надо подумать». Марина Сергеевна только вздохнула и пообещала искать дальше.

Воскресенье стало отдушиной. Тётя Рая, узнав про субботний кошмар, вызвалась отвлечь Агату от происходящего. Они вдвоём навели в квартире идеальный порядок, закупили продуктов, приготовили вкусное рагу и даже занавески постирали. Потом ходили по магазинам, выбирая новое постельное бельё — на старое уже невозможно было смотреть. Рая шутила, рассказывала истории из своей молодости, и Агата впервые за долгое время позволила себе расслабиться. Такие дни она любила больше всего — спокойные, тёплые, когда можно никуда не бежать, не спасать, не бояться.

Но понедельник вернул её в реальность.

Лифт остановился, двери открылись, и, пройдя по коридору, Агата шагнула в приёмную. До начала рабочего дня оставалось десять минут, она успела включить компьютер, разобрать

почту и даже сходить за кофе для себя — тот особый сорт, что пил Волин, вызывал у неё жуткую изжогу.

Ровно в девять пришёл начальник. Как всегда, стремительный, сосредоточенный, с бумажным стаканчиком в руке, от которого исходил умопомрачительный аромат чабреца. «Волин пьет чай?» — подумала Агата. Он прошёл в кабинет, бросив на ходу:

— Через пять минут зайдите за заданиями.

Агата кивнула, взяла привычный блокнот и постучалась ровно через пять минут.

Дальше началась обычная рутина. Волин надиктовывал поручения, одно за другим, и Агата удивлённо отмечала, что ничего сверхъестественного он не требует. Обычная работа: подготовить документы, согласовать встречи, заказать билеты, проверить отчёты. Да, темп бешеный, да, требовательность зашкаливает, но Неужели ни один из его предыдущих помощников не смог выдержать просто рабочий график? Неужели все они приходили сюда не работать, а строить глазки?

Агата вспомнила тех девушек в холле, на кастинге. И представила, как одна из них сидит за этим столом, а Волин смотрит своим прожигающим взглядом, требует отчёта, а она вместо этого пытается поймать его взгляд, улыбнуться, при этом эротично накручивая локон на палец — выходило забавно.

— Странные эти женщины, — подумала она, улыбаясь и возвращаясь в приёмную. — Им что, заняться больше нечем?

Впрочем, размышлять было некогда. Задания посыпались одно за другим. К одиннадцати часам утра Агата уже обработала гору документов, согласовала две встречи и подготовила аналитическую справку для завтрашних переговоров.

С самого утра к Волину заходил начальник службы безопасности, а в одиннадцатом часу в приёмной появилась начальница отдела кадров — та самая, что в прошлый раз подписывала её перевод.

Женщина проскользнула в кабинет, пробыла там минут десять, а когда вышла — лицо у неё было красное, злое. Проходя мимо стола Агаты, она остановилась на секунду, прошипела сквозь зубы:

— Добилась своего! — и, не оборачиваясь, вылетела в коридор.

Агата только моргнула. Чего добилась? О чём она?

Но думать об этом было некогда — в приёмной уже сидел следующий посетитель.

Ближе к двенадцати поток начальников иссяк. Агата перевела дух и решила, что пора сбегать в столовую за нормальным кофе. Она уже встала, когда телефон в кармане пиликнул.

Сообщение.

Она открыла — и сердце провалилось куда-то в живот.

Фотография. Тётя Рая. Она стояла в местном магазинчике, у лотка с картошкой, и задумчиво выбирала клубни. Снято явно скрытно, со спины, но лицо было хорошо видно в профиль.

Подпись гласила:

«Неужели ты дашь пострадать этой милой старушке из-за глупости своего отца? Пятница уже близко».

Агата смотрела на экран, и мир вокруг перестал существовать. Тётя Рая. Единственный человек, который её не предал, который приютил, кормил, поддерживал. Если с ней что-то случится

Слёзы брызнули сами собой. Она зажала рот рукой, чтобы не закричать, и уставилась в одну точку, не в силах пошевелиться. В голове билась только одна мысль: «Что делать? Что делать?»

Она не заметила, как открылась дверь кабинета, как вышел Волин. Он что-то хотел сказать, но замер, увидев её. Агата подняла глаза — и в них, наверное, было столько отчаяния, что он не решился подойти ближе.

— Что случилось? — спросил он, и голос его прозвучал как-то по-другому, не привычно-ледяно.

Агата судорожно вытерла слёзы рукавом, убрала телефон в ящик.

— Ничего, — выдавила она. — Личное.

Волин смотрел на неё долго, очень долго. Было видно, что он борется с собой — то ли хочет продолжить расспросы, то ли решает, что не его дело. Наконец он просто сказал:

— Зайдите через пятнадцать минут.

И вернулся в кабинет.

Агата закрыла глаза и заставила себя дышать. Глубокий вдох, выдох. Ещё раз. И ещё. Паника отступила ровно настолько, чтобы можно было думать.

Тётя Рая в опасности. Но сейчас она ничего не может сделать. Сейчас надо работать. Потом, после работы, она обязательно позвонит Кате — университетской подруге, которая устроила ее в «Вертикаль» и будет умолять ее дать в долг под залог отцовской квартиры, а если не получится с Катей, то завтра же утром все расскажет Волину и попросит также в долг под залог.

На этом и решила остановиться. Она встала, прошла в туалет, умылась холодной водой, привела лицо в порядок. В зеркало смотрела на себя — красные глаза, бледные щёки, дрожащие губы.

— Держись, — прошептала она. — Ты справишься.

Ровно через пятнадцать минут она постучала в дверь кабинета.

Волин сидел за столом, как обычно, но в его взгляде чувствовалось что-то новое — какая-то напряжённая внимательность. Агата села на стул, приготовилась записывать новые поручения.

— Сегодня вечером важные переговоры с китайской делегацией, — начал Волин. — Наш штатный переводчик, к сожалению, часто справляется не блестяще из-за чего мы теряем контракты. Поэтому переводить будете вы. Вместе с ним.

Агата замерла с ручкой в руке.

— Что? — вырвалось у неё.

— Я знаю, что вы знаете китайский, — спокойно сказал Волин. — Вы будете переводить.

— Откуда откуда вы знаете? — выдохнула она.

Волин усмехнулся — холодно, но без обычной колкости.

— Я много чего знаю, Вершинская. Готовьтесь. Переговоры в семь вечера, в конференц-зале на тридцать четвертом. Материалы скину на почту.

Агата сидела, не в силах пошевелиться. Он знает про китайский. А что еще ему известно? МГИМО, языки, отец, долги?

Но Волин не дал ей времени на размышления. Он вдруг сменил тон — стал чуть мягче, хотя слово «мягкий» к нему вообще не подходило.

— И ещё, Агата, — он впервые назвал её по имени, и это прозвучало так неожиданно, что она вздрогнула. — Поймите меня правильно. Меня лично ваш внешний вид устраивает полностью. Главное, что вы работаете так, как надо мне. Но делегация и партнёры — люди другого круга. Они не поймут, если помощница руководителя будет выглядеть ну, скажем так, не совсем соответственно статусу.

Агата почувствовала, как краснеет. Очки, дешёвая блузка, стоптанные туфли — всё это вдруг стало видно будто со стороны.

— Поэтому, — продолжил Волин, — прошу вас после рабочего дня сходить в ближайший торговый центр и подобрать себе более презентабельный наряд. Возьмите вот это.

Он протянул ей пластиковую карту — чёрную, с золотым тиснением.

— Считайте это частью премии за организованную встречу с Грановским. Надеюсь на ваше благоразумие.

Агата смотрела на карту, потом на него, потом снова на карту. Второй шок за пять минут.

— Я — начала она.

— Берите, — перебил Волин. — И не спорьте. Время идёт. Вы должны успеть еще подготовить несколько документов.

Она взяла карту, кивнула и вышла, чувствуя, что земля уходит из-под ног.

Доработав остаток дня, в 18:05 Агата бегом спустилась в ближайший торговый центр — огромный стеклянный комплекс по соседству. Она влетела внутрь и заметалась между отделами, не зная, с чего начать.

В отделе женской одежды она растерянно смотрела на ряды вешалок. Платья, блузки, юбки — всё такое дорогое, такое чужое. Продавщица подошла, окинула её взглядом и, видимо, что-то поняв, мягко спросила:

— Вам помочь?

— Мне нужно — Агата сглотнула. — Мне нужно платье. Для работы. Офисное. И туфли. И линзы, где здесь оптика?

Продавщица оказалась на удивление участливой. Она подобрала несколько вариантов, и Агата остановилась на изумрудном платье — строгом, но элегантном, с длинным рукавом и юбкой чуть выше колена. Оно сидело идеально, подчёркивая фигуру, но не делая её вызывающей.

Потом туфли — чёрные лодочки на невысоком каблуке, удобные, но красивые. Потом оптика, где она купила первые в жизни линзы. Девушка-консультант помогла надеть, показала, как ухаживать.

Агата посмотрела на себя в зеркало и не узнала.

Из отражения на неё смотрела красивая, уверенная девушка. Без очков глаза казались огромными, серыми, выразительными. Платье сидело как влитое. Туфли делали осанку стройнее. Волосы, распущенные и расчесанные наспех, мягко падали на плечи.

— Вы красавица, — сказала девушка. — Обычно так и бывает — стоит сменить очки на линзы, и человек расцветает.

Агата смотрела на себя и не верила. Она выглядела так, как выглядела когда-то — в прошлой жизни, на выпускном, на фотографиях, где папа ещё был здоров и счастлив.

— Спасибо, — прошептала она, расплачиваясь картой Волина.

В семь вечера она вошла в конференц-зал.

Китайская делегация — четверо мужчин в строгих костюмах — уже сидели за столом. Напротив них расположился Волин с юристом и финансовым директором, а также несколько акционеров компании. Штатный переводчик, мужчина средних лет с усталым лицом, нервно листал бумаги.

Когда Агата вошла, все обернулись. Волин поднял глаза — и на секунду замер. Агата перехватила его взгляд: в нём мелькнуло что-то удивление? одобрение? — но тут же исчезло, сменившись привычной деловитостью.

— Садитесь, Вершинская, — кивнул он на место рядом с переводчиком.

Переговоры начались.

Китайцы говорили быстро, с акцентом, пересыпая речь специфическими оборотами. Штатный переводчик спотыкался, терял нить, несколько раз переспрашивал. Агата сидела, слушала и чувствовала, как внутри закипает азарт.

Когда делегация закончила очередной блок, и переводчик замолчал, не зная, как точно передать сложный термин, Агата вдруг заговорила.

Она переводила гладко, уверенно, точно. Китайцы оживились, закивали, заулыбались. Один из них что-то быстро спросил — явно не по теме, а скорее личное, комплиментарное. Агата улыбнулась в ответ и перевела по просьбе Волина: «Господин Ли говорит, что рад видеть в нашей стране человека, который так хорошо знаком с его наречием».

Волин чуть заметно кивнул, и переговоры пошли дальше.

Агата не просто переводила — она сглаживала острые углы. Там, где китайцы начинали давить, она мягко переформулировала, делая тон более дипломатичным. Там, где наши партнёры проявляли нетерпение, она находила слова, чтобы объяснить их позицию без конфликта.

К девяти вечера договор был подписан.

Китайцы встали, раскланялись, обменялись рукопожатиями. Господин Ли подошёл к Агате, сказал что-то тёплое, явно благодарственное. Она улыбнулась, ответила парой фраз на китайском, и делегация удалилась.

В конференц-зале остались только она и Волин.

— Пойдемте в мой кабинет, — сказал он коротко.

Агата пошла за ним, чувствуя, как колотится сердце. Она знала, что сейчас что-то произойдёт.

В кабинете Волин сел в кресло и указал ей на стул. Агата опустилась напротив, глядя на него с напряжением.

— Отлично сработано, — сказал он. — Выпишу вам премию, еще одну.

— Спасибо, — выдохнула она.

Но он не закончил. Он смотрел на неё долгим, изучающим взглядом, и вдруг заговорил:

— А теперь, Агата, рассказывайте всю правду. О том, кто вы на самом деле. Я уже знаю про МГИМО, про языки, про то, что хантер вам угрожала. Хочу услышать всю историю от вас.

Агата замерла. Надо было что-то начать говорить, но язык не слушался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.